

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

СОКРОВИЩА ЧИСТОГО РАЗУМА

Герметикон

Вадим Панов

Сокровища чистого разума

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2014

Панов В. Ю.

Сокровища чистого разума / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2014 — (Герметикон)

ISBN 978-5-699-77686-3

Среди планет Герметикона одной из самых страшных и кровавых вот уже двадцать с лишним лет считается Менсала. Сочающаяся болью, переполненная смертью. Богатство Менсалы стало ее проклятием, мир – войной, а страх и ненависть – девизом. Но именно здесь, вдали от всех, в полнейшей тайне, инженер Холь решил провести испытания своего невероятного изобретения. И надо же такому случиться, что именно на Менсалу судьба забросила Павла Гатова и Андреаса О. Мерсу, за которыми вели охоту и галаниты, и местные бандиты, и старый знакомый Руди Йорчик...

ISBN 978-5-699-77686-3

© Панов В. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

© Панов Вадим, 2014

Содержание

Пролог,	6
Глава 1,	11
Глава 2,	40
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вадим Панов

Сокровища чистого разума

© Панов В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог, в котором инженер Алоиз Холь становится первым

Весь Герметикон знает, что такое Пустота.

Ни один человек во всем Герметиконе понятия не имеет, что такое Пустота.

Так было всегда и так, наверное, скоро не будет – ведь наука идет вперед, – но пока Пустота являет собой великую тайну.

Что она? Пространство? Время? Прочнейший барьер или дырка в заборе? Мир? Отсутствие мира? Философы задавались вопросом: Пустота первозданна или же бессмысленна? Мёртвая или скрывающая жизнь? Дикая или разумная? Поэты искали соль её, представляя то Хаосом, то Высшим Порядком, недоступным пониманию простых смертных. А вот для прагматичных цепарей Пустота всегда была дорогой, пройденным или непройденным путём, а ещё – преодолением.

Именно так: преодолением.

Пустота заполняла огромные расстояния, отделяющие миры друг от друга, но цеппели покрывали их за считанные минуты. Или не покрывали, потому что Пустота не стеснялась брать кровавый налог за удивительную возможность прыгать от звезды к звезде. И именно поэтому Пустота была для цепарей Преодолением, короткой, но ожесточённой схваткой с тем, чего нет, ради того, чтобы сделать шаг. Преодолением себя, потому что ощущение Бесконечности, прячущейся за хрупкой обшивкой цеппелей, с головой накрывало путешественников невообразимым ужасом. Преодолением железа, потому что сверхнадёжные, не дающие сбоев астринги соседствовали с обыкновенной техникой и помещались внутри капризных цеппелей, корпус которых могло попросту разорвать действующими в переходе силами. Преодолением страшных Знаков, способных свести с ума, а то и уничтожить и экипаж, и корабль.

Преодолением всего.

Каждый переход – а ежедневно их в Герметиконе совершались тысячи – становился для цепарей и пассажиров игрой по самой высокой ставке, и потому вызывал изумление тот факт, что целенаправленным, систематическим изучением Пустоты занималось мизерное число энтузиастов от науки. словно крупнейшие университеты стоворились не обращать внимания на то, чего якобы нет. словно не волновала и не вдохновляла их Великая Пустошь, пронзённая стрелами межпланетных переходов.

словно не имела она значения.

Лучше всех в Герметиконе Пустоту знали астрологи – штурманы цеппелей и пилоты астрингов, – ведущие своих спутников от звезды к звезде. Астрологи видели то, что остальные лишь ощущали, бесстрашно ныряли в Пустоту, пропитывались ею и... и потому, наверное, пятая часть из них кончала жизнь самоубийством в течение первой полусотни переходов. Остальные держались, однако зачастую общаться с ними могли исключительно коллеги – слишком уж прихотливыми и неясными становились мысли пилотов Пустоты, слишком похожими на бред... Но самое главное заключалось в том, что, даже проваливаясь в Пустоту, астрологи оставались внутри цеппелей, пропитывались ею, но не осязали, и именно этот факт категорически не устраивал Алоиза Холя, именно это обстоятельство знаменитый луегарский инженер вознамерился победить.

– Ещё не поздно взять назад.

– Ни за что!

– Упрямец.

– Да, это так, Вениамин, и я этим горжусь.

Невысокий, бритый наголо мужчина с маленьким и довольно красивым для мужчины лицом, которое окаймляла короткая густая борода, покачал головой, однако настаивать не стал, знал, что бесполезно. Особенно сейчас бесполезно, когда до начала эксперимента оставались считанные минуты. При этом Вениамин искренне не понимал, зачем взрослый, не поймавший Знак мужчина собирается самолично идти в Пустоту, вместо того чтобы отправить в столь рискованное предприятие помощников. Не понимал, но давно решил для себя, что Холь слегка чокнутый, и тем объяснял многие поступки инженера.

– Но я считаю своё упрямство настойчивостью.

Бородач скорчил быструю гримасу, как будто произнёс отчётливо: «Я сделал всё, что мог», и шагнул в сторону, уступив место ослепительно красивой женщине лет двадцати двух – двадцати трёх, не более, с густыми каштановыми волосами и огромными зелёными глазами.

– Алоиз, пожалуйста... – Артемида Холь верила в мужа, но полностью разделяла мнение Вениамина насчёт правильного использования помощников. – Подумай, что ты значишь для науки.

– Дорогая, уже слишком поздно.

– Я говорила с астрологом: мы можем перенести старт на два часа. За это время ты сможешь подогнать костюм под размер Тогледо...

– Не вижу необходимости.

– Ты сильно рискуешь.

– Не более, чем все мы, отправляясь в переход. К тому же не будем забывать, что с технической точки зрения я остаюсь на корабле.

– Алоиз!

Нервные нотки в голосе жены подействовали: инженер прервал своё занятие – с помощью трёх помощников он облачался в хитроумный скафандр, – протянул к Артемиде правую руку и проникновенно произнёс:

– Я хочу быть первым.

Помощники закончили снаряжать эту руку Алоиза, и перед лицом женщины появилась не тёплая человеческая рука, а она же, облачённая в грубую, но гибкую защиту и герметично соединённую с ней перчатку.

– Зачем?

– Потому что это естественное желание. – Тело Холя уже скрывал жёсткий корпус изобретённого им устройства, поэтому пожать плечами он не смог, однако выражение лица изобразил такое, что супруга инженера почувствовала жест, не увидев его. И растерянно спросила:

– А что делать мне?

– Верить в меня.

Артемида судорожно вздохнула, и вздох оказался удивительно похож на всхлип. Вениамин попытался взять женщину за руку, однако синьора Холь уклонилась от молчаливого выражения поддержки весьма решительным, резким и не укrywшимся от Алоиза жестом. Впрочем, комментировать короткую сцену инженер не стал: он прекрасно знал, как жена относится к его свояку.

– Я в тебя верю, – тихо сказала Артемида, легко прикасаясь к толстой перчатке.

– И это многое для меня значит. – Почти полностью облачённый, он мог прикоснуться к любимой только взглядом и потому постарался вложить в него всю нежность, на какую был способен. – Я справлюсь.

– Алоиз... Ты всегда будешь моим героем.

– И я не устану подтверждать, что ты не ошибаешься.

– Пусть не сегодня.

– Сегодня – обязательно. – Холь посмотрел на помощников, заканчивающих возиться с внешней оболочкой «пустотного костюма», на верного Тогледо, внимательно следящего за

каждым их жестом, подмигнул Вениамину, после чего вновь устремил взгляд на Артемиду: – Я не военный, поэтому не могу победить в войне. Я не политик и не способен прославиться на поприще государственной деятельности. Я – ученый. И хочу быть первым здесь, на своём месте.

– И готов рискнуть жизнью? – не выдержал Вениамин.

– А как ещё можно стать первым?

И правильный ответный вопрос заставил бородача признать:

– Больше никак. – Он хорошо знал ключевое правило похода на вершину. – Другого пути нет.

– Ты его подстрекаешь! – топнула ногой Артемида.

– Я его понимаю, – спокойно ответил Вениамин.

– Ещё скажи, что хочешь увидеть триумф Алоиза!

– Очень хочу, – не стал спорить бородач. – И ещё мне интересно, когда рискуют ради риска. Ведь Алоиз собрался в Пустоту не ради земли или золота, так что мы станем свидетелями чистого, ничем не замутнённого подвига.

– Наука стоит больше земли и золота, – с улыбкой парировал Холь. Было видно, что он относится к Вениамину гораздо теплее супруги. – Наука даст больше.

– Неужели?

– Увидишь.

– Сколько тебе заплатят за выход в Пустоту? А главное – кто?

– Сегодняшний эксперимент – лишь первый шаг, который позволит перевести исследования в новую фазу. Если я смогу работать над Пустотой во время переходов, передо мной откроются потрясающие перспективы...

– Что можно исследовать в Пустоте?

– Не узнаем, пока не увидим. – Холь гордо вскинул голову: – А первым узнаю я!

– Крикнешь, если что-то пойдёт не так, – проворчал Вениамин.

– Шутник.

– Да, я такой.

Артемида снова вздохнула. И снова её вздох отчаянно походил на всхлип.

Они стояли на открытой палубе – специальной, не предусмотренной конструкцией этой модели цеппелей пристройке к гондоле. Палуба представляла собой площадку приблизительно в тридцать квадратных метров, отгороженную от Пустоты лишь тонкими поручнями. У её ближнего края, вдоль стены гондолы, было смонтировано и надёжно закреплены несколько устройств, которыми Холь собирался воспользоваться во время перехода, однако «гвоздём программы» являлся «пустотный костюм», испытание которого инженер собирался провести на собственной шкуре.

Прототипом необычного облачения выступил подводный скафандр, но в силу понятных причин Холю пришлось изменить его конструкцию. Для начала инженер существенно облегчил «доспехи», заменив тяжёлый металл гидрокостюма ильским сплавом. Переработал систему подачи воздуха, в том числе усилив резину шлангов металлической сетью. Придумал оригинальный шлем, представляющий собой колбу закалённого стекла, обеспечивающую обзор на 360 градусов. Позаботился о создании гибких, но герметичных соединений.

Костюм выглядел громоздко, но надёжно. Холь им гордился и не сомневался в успехе, однако Артемида, несмотря на заявление, не демонстрировала обещанного уровня веры в гений мужа.

– Алоиз...

– Дорогая, всё решено.

– Я знаю... – чуть помедлив, ответила женщина.

Она собиралась продолжать, возможно, вновь перейти к бессмысленным просьбам, но на палубе объявился новый персонаж, и разговоры закончились:

– Синьор инженер! Синьор капитан докладывает, что цеппель готов к переходу.

В присутствии высоких особ посыльный вытянулся во фронт и изо всех сил старался не коситься на страннейшее устройство, в которое облачили Алоиза. О «пустотном костюме» ходили разные слухи, но большинство цепарей считало, что богатый изобретатель наглядно продемонстрирует гостям уникальный способ самоубийства.

– Передайте капитану, что мы будем готовы через десять минут.

– Слушаюсь!

Посыльный исчез, и Холь перевёл взгляд на Вениамина:

– Уверен, мы ещё увидимся.

– Если что – мне будет тебя не хватать.

– Ты умеешь настроить на нужный лад.

– Стараюсь.

– Пока!

– Удачи!

– Спасибо.

Вениамин кивнул и деликатно ушёл в кают-компанию, позволяя инженеру попрощаться с женой.

– Я должен быть первым, моя радость, – прошептал Холь, отвечая на её взгляд. – Ты ведь знаешь.

– Я знаю, что ничего не могу с тобой поделать. – Артемида хрустнула пальцами. – Ты такой, какой есть.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя.

Она всё-таки сумела его поцеловать: привстав на цыпочки, потянувшись – внешняя оболочка придавала немаленькому инженеру дополнительный объём, – и, едва коснувшись губами, лишь обозначила ласку. Но этот лёгкий жест получился необычайно нежным.

– Я буду ждать.

– Я стану первым.

Верный Тогледо установил на место тяжёлый шлем, а помощники принялись закручивать гайки.

– Всё будет хорошо, – негромко произнёс Вениамин, когда Артемида появилась в кают-компании, из которой открывался лучший вид на открытую палубу. – Уверен, Алоиз справится.

Ответа не последовало.

Закончив с гайками шлема, помощники торопливо перешли в гондолу, столпившись у тех иллюминаторов, что не были заняты высокими гостями. Шедший последним Тогледо запер дверь и убрал ключ в ящик стола.

– Мы перестали двигаться, – громко произнёс Вениамин. Перед переходом цеппели всегда замирали в пространстве, дабы не мешать астрологам наводить астринг на цель. – Значит, скоро. – И помахал инженеру.

Холь поднял правую руку, выставил вверх большой палец, и почти сразу, как по команде, завывла сирена, оповещая, что астролог привёл в действие звёздную машину, создавая невероятный и пока необъяснимый канал перехода.

А потом прямо под цеппелем распахнулось «окно». Артемида вскрикнула, на мгновение почувствовав себя невесомой, и чудовищной мощи сила увлекла гигантский аппарат к далёкой планете.

Через Пустоту.

Но едва ли не впервые в истории Герметикона она, такая таинственная и опасная, отступила для пассажиров на второй план, поскольку всё их внимание было приковано к смелому инженеру.

- Почему он стоит?
- При старте страховочный трос немного натянулся, но сейчас снова в норме.
- Его не сбросило в «окно».
- Почему он не движется?
- Воздух поступает равномерно.
- Он жив?

И сразу же, словно отвечая на вопрос, Холь вновь поднял руку в прежнем жесте.

- Он жив!
- А что ему будет?
- Хвала святому Хещу!
- Неужели получилось?
- Давайте дождёмся конца перехода.
- Что он делает?!
- Он идёт!!
- Я не верю!

Первый шаг не получился: нервы давали знать, и, несмотря на многочисленные тренировки в обычных условиях, Холь двинулся вперёд робко и неуверенно, скорее, потоптался на месте. Зато второй шаг получился увереннее, твёрже. А затем Алоиз освоился окончательно, довольно быстро достиг ближайших поручней, ухватился за них левой рукой и вскинул правую в победном жесте.

- Он сделал, – прошептала Артемида. – У него получилось!

Женщине казалось, что она кричит от счастья, но в действительности на её слабый шёпот никто не обратил внимания. Никто не среагировал, даже голову не повернул. Все замерли, не сводя глаз с иллюминаторов и оставив несчастную Артемиду в совершеннейшем одиночестве. Наедине с приближающимся кошмаром...

Глава 1, в которой Бааламестре ссорится с уважаемыми людьми, Агафрена познаёт Камнегрядку, Сада злится на Руди, губернатор Лекрийский любопытствует, а Мерса потряхивает ящиком

«Вы её видели?»

Пустоту.

Ту самую, о которой столько рассказывают. О которой спорят и пишут поэмы. Которую боятся. Ненавидят. Проклинают и снова боятся.

Вы её видели?»

Нет, не сидя в безопасном цептеле... Заткнитесь! Я знаю! Я знаю, чтоб вас всех в алкагест окунуло, что безопасных цептелей не бывает! Я знаю! Но когда астринг несёт твой корабль к другому миру, а между тобой и Пустотой прочный корпус или закалённое стекло иллюминатора – это одно. Присутствие Пустоты щекочет нервы или вызывает ужас, Знаки могут тебя убить или свести с ума, но за тебя играют математические вероятности, и есть надежда остаться живым. Пустота в шаге, но преодолеть его ей так же трудно, как адигену стать чиритом.

И совсем другое дело...

Когда...

...она рядом. Дышит в лицо. Не в затылок... Хотя в затылок тоже... Дышит со всех сторон, потому что Пустота всюду и бежать некуда – приходится встречать. И лицом, и затылком, и всем телом. Прикасаешься к ней... Осязаешь...

Холодеешь...

Когда...

...она дышит, а ты дышать не можешь, потому что её дыхание с нашим не дружит. Или она, или мы...

Вот что значит видеть Пустоту.

И я, чтоб вас всех в алкагест окунуло, ни разу не хвастаюсь. Я рассказываю, как было.

Я видел.

Я холодел.

Я не цепарь, но не думаю, что многим цепарям довелось пережить то, через что мне с ребятами довелось пройти. Нет, вот так: вряд ли кто-то ещё пережил то, что выпало на нашу долю. Не думаю, что кому-то, кроме нас троих, приходилось нырять в чужой переход на расстрелянном паровинге, предпочитая смерти неизвестность. Слышать свист уходящего воздуха и тишину работающих двигателей. И спокойно осознавать, что, даже преодолев переход, мы, скорее всего, уйдём в глухое пике. Ведь паровинг – не цеппель, он тяжелее воздуха...

И когда я говорю «спокойно», я снова не хвастаюсь. Мы – учёные, мы знаем, что далеко не всякий эксперимент обязан завершиться цветами, игристым, восхищением коллег и податливыми лаборантками, мы знали, что можем проиграть, и тот факт, что на кону стояли наши жизни, ничего не менял. Паники не случилось. Мы с Бааламестре заспорили о правильном положении штурвала во время выхода из «окна», а Гатов, стервец, расхохотался: «Заткнитесь, братья, мы не разобьёмся. Точнее, разобьёмся, но потом, после того, как задохнёмся».

Я уже писал о свисте, с которым воздух покидает кабину?

Самый паскудный звук из тех, что я слышал. Звук полной безнадёги и, что самое противное, бессилия. Щелей полно, ведь стандартный паровинг не герметичен. Плюс дырки от

цуль. Много дырок, вы уж мне поверьте: приотцы лупили по нам как заведённые. В общем, не заделаешь все отверстия, чтоб меня в алкагест окунуло, никак не заделаешь.

Да мы и не пытались.

«Четыре минуты, – сказал тогда Бааламестре. – Большие не протянем».

Четыре поганые минуты. И это при том, что «быстрые переходы», которые тридцать секунд-минута, случались крайне редко, стандартные начинались от трёх и до четырнадцати. Пятнадцатой, кстати, никогда не было, все зарегистрированные переходы укладывались в четырнадцать минут, это время жизни, но у нас, к сожалению, отсутствовала возможность продержаться настолько долго.

Четыре минуты.

Если путешествие затянется, мы потеряем сознание, не сможем вывести паровинг из пике и погибнем. Нет, погибнем раньше, когда задохнёмся...

«Кажется, я видел канистру».

Каронимо Бааламестре пошёл в десантный отсек паровинга, в надежде отыскать хоть что-нибудь, способное нас спасти.

Дышать в канистру? Почему нет?

Я поднялся, чтобы присоединиться к поискам, но сидящий за штурвалом Гатов махнул рукой: «Смотри, какая красота, Олли! Сто цехинов против кучи дерьма, что ты никогда не видел ничего подобного».

Я собрался огрызнуться, но вовремя прикусил язык, поняв, что Павел полностью отдался в руки судьбы. Мы не управляли переходом. Никто в Герметиконе не способен управлять переходом и точно сказать, сколько времени он продлится. От нас ничего не зависело, и потому Гатов предался созерцанию.

«Согласись, красиво!»

«Очень», – подтвердил я, дуя на руки. В кабине постепенно холодало.

И становилось меньше воздуха.

Мы летели вслед за грузовым цеппелем, лигах в трёх от его гигантских рулей, и напоминали, наверное,дохлую кошку, которую сорванцы привязывают к каретам и автомобилям...

Дохлая кошка... Странно, что тогда мне пришло в голову именно это сравнение.

Как бы там ни было, мы летели в кильватере здорового грузовика, но, несмотря на то что наши нечаянный проводник полностью закрыл фронтальный обзор, насладиться было чем: Пустота предстала перед нами во всей красе. Наверное, специально улыбалась перед тем, как погубить.

«Необыкновенно...»

Обычно Пустота видится путешественникам серой, немного размазанной, как будто неумелый художник упражнялся в создании оттенков, невнятной... Но сейчас всё было иначе. Я видел алые разводы, окружающие переход так, словно он проткнул живую плоть. Видел жёлтые штрихи, летающие на красное с тем, чтобы вновь обратить его в серое. Видел голубые, размером с хороший стог сена искры, что, переливаясь, формировали контур цеппеля.

«Так выглядит переход со стороны», – прошептал Гатов.

«Я догадался. – А потом, чтоб меня в алкагест окунуло, зачем-то сообщил: – Минута».

И тем разрушил удивительную магию момента, растоптал тот зачарованный миг, который навсегда отпечатался в моей памяти.

«Минута».

«Кто умеет задерживать дыхание?» – хмыкнул Павел.

«Канистры нет, – бодро доложил Бааламестре. – Вообще ничего нет, чтоб меня пинком через колено».

«Даже презерватива?»

«Гений!»

Я помню, как Павел улыбался, глядя на судорожно распечатывающего презерватив Каронимо. Я помню, как спешил толстяк. А потом я широко и заразительно зевнул. День получился совершенно сумасшедшим, и я устал. Мне надо поспать.

«Даже если ни хрена не получится, было весело, – произнёс Гатов, легко трогая меня за плечо. Он знает, почему меня клонит в сон. Он немного печален. – Извини, что втянул тебя во всё это...»

Две с половиной минуты.

Я больше не слышу свист.

Бааламестре из последних сил надувает презерватив. Я громко говорю какую-то пошлость, но фраза не выходит из меня даже в виде шипения. Каронимо медленно валится на бок. Гатов не дышит. Снова созерцает Пустоту и улыбается с закрытыми губами. Его руки устало лежат на штурвале. Руки дрожат от холода.

«Почему он не хочет спать?»

Я закрываю глаза.

Я не вижу, как наш паровинг вылетает из Пустоты...»

Из дневника Оливера А. Мерсы alh.d.

* * *

Все сферопорты Герметикона походят друг на друга, как счастливые семьи.

Не внешне, разумеется, походят, поскольку архитектурные пристрастия в разных мирах отличались разительно, зачастую образуя уникальные, ни на что не похожие стили, и спутать порты больших планет могли или неопытные, или крепко выпившие путешественники. Поэтому не внешне – внутренне, строением. Подобно людям: под кожей и костями одинаковый набор органов, исполняющих одни и те же функции, а снаружи собственный образ, который стараются украсить в меру способностей и возможностей.

Каждый межзвёздный причал Герметикона строился вокруг Сферы Шкуровича – негасимого монументального сооружения из астрелия, которое служит маяком для бредущих через Пустоту астрологов. Над Сферой, как правило, покачивался на длинном якоре или без оног ошетилившийся орудийными стволами вижилан, а вокруг, насколько того требовала необходимость, привольно раскидывалось посадочное поле, равномерно или изредка тыкающее в небо металлическими пальцами причальных мачт. В иных мирах мачт насчитывалось единицы, иногда – вообще одна, хорошо, если не проржавевшая, зато на богатых планетах, через порты которых проходил оживлённый поток пассажиров и грузов, мачты строили десятками, а то и сотнями.

На краю поля власти обычно располагают административные портовые сооружения, пассажирские залы, таможду и часовню Братства Доброй Дочери, медикусы которого внимательно осматривают прибывающих на предмет опасных инфекций. С двух других сторон к полю выходят эллинги для ремонта и хранения цеппелей, иногда прямо к полю подводят рельсы железной дороги, связывая воздушный и наземный транспорт в один узел, но в основном всё остальное окружающее сферопорт пространство занято складами. Зданиями, ангарами, элеваторами и цистернами, между которыми снуют телеги, грузовики и даже паротяги. Но главное – между ними снуют деньги, огромные деньги. Большой сферопорт – место торговое, вокруг него ежедневно заключаются сотни сделок, а поскольку далеко не все из них законны, то неподалёку от складов или же среди них всегда возникает территория Омута: кварталы тёмных дел, в которые крайне редко заглядывают полицейские и жандармы.

И именно здесь в полной мере проявлялось главное отличие Шпеева от собратьев с других планет: владения Омута – Пекарня Ли – занимали добрую половину сферопорта Менсалы,

а по сути, им же и являлись. Что же касается полиции, точнее милиции, то она следила лишь за тем, чтобы бандиты не особенно злоупотребляли насилием и не лезли в Чистый Парк – территорию легальной коммерции и проживания приличных людей. При этом следует отметить, что на Менсале понятие «приличный человек» трактовалось крайне широко, и многие негоцианты жить предпочитали в Парке, а деньги делали в Пекарне. И деньги нешуточные.

Но грязные.

Пребывающая в состоянии перманентной гражданской войны и не имеющая собственной, сколь-нибудь заметной промышленности, Менсала в первую очередь импортировала оружие: разнообразное, в больших количествах, и потому торговцы Шпеева прекрасно разбирались в продукции лучших военных корпораций Герметикона. Они продавали бронетяги, эти огромные чудовища доставлялись на Менсалу с помощью специальных грузовых цеппелей. Продавали пушки и минометы, боевые газы – в одно время они стали весьма популярны, – а также новомодные бронеавтомобили и аэропланы. Через руки менсалийских торговцев прошло столько стрелкового оружия, что они определяли производителя по звуку выстрела и считались лучшими экспертами Герметикона в области совместимости боеприпасов. Другими словами, удивить менсалийцев было практически невозможно, но попытки предпринимались постоянно, и автором сегодняшней стал рослый мужчина с круглым простоватым лицом, абсолютно не вяжущимся с его энергичными манерами. Внешность белобрысого вводила в заблуждение: волосы светлые, но глаза тёмные, глуповатые, нос картошкой, губы и щёки толстые – он походил на увальня с ближайшей фермы, но при этом ухитрился собрать на испытание «чудооружия» самых авторитетных торговцев Шпеева.

– Итак, добрые синьоры, я рад приветствовать вас на нашей маленькой демонстрации и гарантирую, что она никого не оставит равнодушным. А кое-кто окажется в серьёзном выигрыше, в очень-очень серьёзном. – Белобрысый выдержал паузу, на мгновение приобретя удивительное сходство с балаганным зазывалой, после чего продолжил: – Один из вас, добрые синьоры, совершит настоящий технологический прорыв в деле истребления живой силы противника и сможет предложить своим клиентам...

– Чем гарантируешь? – перебил белобрысого Уру Клячик.

– Что? – не понял тот.

– Чем готов подтвердить свои сказки? – желчно повторил Клячик.

– Ах это... – Белобрысый простодушно улыбнулся, сменив маску зазывалы на образ хуторского болвана, и легко, как само собой разумеющееся, ответил: – Жизнью, разумеется. – Поразмыслил и на всякий случай, словно сомневаясь в интеллектуальных способностях собеседников, уточнил: – Своей.

Однако оскорбительный намёк прошел незамеченным.

Трое коллег Уру степенно кивнули, подтверждая согласие с обязательством белобрысого, кто-то из них даже шуточку отпустил, мол, никто дурачка за язык не тянул, а вот угрюмый Клячик помрачнел ещё больше. Он тоже не услышал оскорбления, но, в отличие от коллег, оценил скорость смены масок и недовольно отмахнулся от подлой мысли, что лохом в их скромном коллективе может оказаться отнюдь не белобрысый увальень, представившийся изобретателем с Кааты.

С другой стороны, как ему выкрутиться?

Бельгердейн – именно так представился якобы каатианец – назначил местом встречи укромную лесную поляну в трёх лигах от Шпеева. Тщательно оговорил время, состав участников и терпеливо ждал сбора, опершись на нечто, укутанное плотным брезентом. На охранников – а каждый из торговцев прибыл в сопровождении трёх боевиков – взирал равнодушно, словно двенадцать вооружённых до зубов громил ничего в его расчётах не меняли, и речь начал ровно, не сбиваясь, всем видом давая понять, что спокоен, как наевшийся удав. И столь же хладнокровен.

– До вас, добрые синьоры, наверняка доходили слухи об удивительном «Гаттасе», шестиствольном пулемёте, изобретённом Павлом Гатовым для кардонийской армии. Это мощнейшее оружие использует стандартный боеприпас «шурхакена» и прекрасно зарекомендовало себя как в воздушных, так и в наземных боях.

– Мы слышали, – коротко кивнул Уру. Упоминание «Гаттаса», производство которого пока не было налажено за пределами Кардонии, против воли заинтриговало Клячика, заставив позабыть о подозрениях. – Ты его привёз?

– Или можешь достать?

– Кардонийцы делают его только для себя! У них война идет!

– Поэтому я предлагаю не «Гаттас», а...

– Решил нас кинуть? – ощерился Рахи Лежан.

Двое боевиков неуверенно двинулась к белобрысому, но Уру, оценивший спокойствие Бельгердейна, жестом велел им остановиться. Коротким, решительным жестом, и боевики, несмотря на то что сопровождали Рахи Лежана, остановились: ни одна шпеевская шавка не смела противоречить Уру.

– У тебя есть что показать? – тихо осведомился Клячик, тяжело глядя на изобретателя.

– Разумеется, – с прежним хладнокровием отозвался тот. – Затем и пришёл.

Каатианец был одет по принятой среди учёных и механиков моде: поверх белой когда-то сорочки, рукава которой, по случаю тёплой погоды, были подвёрнуты до локтя, он носил кожаный жилет с накладными карманами, откуда торчали карандаши, блокноты, линейки и даже ручки какого-то мелкого инструмента. Из некоторых карманов не торчало ничего, однако сами они раздувались от чего-то мелкого и сыпучего, то есть тоже не оставались без дела. Штаны белобрысого стилистически продолжали жилет: те же карманы, петельки и застёжки для подсумков. Затем следовали перчатки с обрезанными пальцами, цепарские башмаки и круглая шляпа с загнутыми полями. Левую руку изобретателя украшали защищённые часы в массивной походной сбруе, левое ухо – золотое кольцо, а в правом поблескивал бриллиантовый «гвоздик».

Ничего странного. Ничего необычного. Ничего опасного. И настораживали Клячика лишь неподдельное спокойствие Бельгердейна и быстрая смена «масок» в начале разговора. Настораживали, но не пугали. В конце концов, мошенников за свою жизнь Уру повидал достаточно, и смерть ещё одного «хитреца» не станет ни первой, ни последней.

– Показывай, что у тебя есть, – распорядился Клячик.

Однако на каатианца магия его авторитета не действовала.

– Сначала я должен увидеть деньги, добрые синьоры, – широко улыбнулся белобрысый. – Позвольте напомнить, что у нас коммерческая встреча, а не благотворительная лекция в познавательных целях.

– Ты ничего не показал.

– Я один, я полностью в вашей власти, добрые синьоры. – Изобретатель растопырил пальцы, пытаясь как можно полнее представить чистоту помыслов, и выдал умильную улыбку деревенского пьяницы. – Так дайте мне сил продолжить выступление. Покажите золото.

Торговцы переглянулись, затем их взгляды устремились на самого авторитетного – на Уру, а тот, помедлив, кивнул.

Они ничего не теряли от демонстрации.

Собирая встречу, Бельгердейн особо подчеркнул, что его интересует аукцион: он предлагает нечто уникальное, торговцы соревнуются в выкладывании цехинов, победитель получает всё. Стартовый взнос определили в сотню монет, и теперь помощники торговцев выставили на походный столик шкатулки с золотом.

– Какое приятное зрелище, чтоб меня пинком через колено, – прокомментировал происходящее изобретатель. – Говорят, на золото можно смотреть бесконечно. Я, конечно, не пробовал, но...

– У нас нет лишнего времени, – грубовато оборвал каатианца Уру. – Ты увидел деньги, теперь продолжай.

– С удовольствием. – Тот легко прикоснулся к шляпе. – Так вот, добрые синьоры, «Гаттас» достаточно сложное в производстве оружие, и потому вы обречены покупать его в других мирах. Однако к нашей общей удаче, мне повезло побывать на Кардонийской военной выставке, а там – покопаться в устройстве этой удивительной машины, в результате чего я разработал упрощённый четырехствольный пулемёт, который можно производить даже здесь, на Менсале.

Клячик изогнул бровь, что означало крайнюю степень удивления. Лежан отпустил негромкое ругательство. Двое оставшихся торговцев переглянулись, мысленно подсчитывая возможные барыши. А довольный собой Бельгердейн откинул часть брезента:

– Встречайте, добрые синьоры: «Бельгер-4»!

Выглядел пулемёт внушительно. Четыре ствола, которые опытные менсалийцы определили как стандартные «шурхакенские», скреплялись меж собой двумя круглыми пластинами и уходили в чёрную коробку, хранящую основные секреты конструкции. Справа в коробку подавалась патронная лента, снизу приходили электрические провода, а сзади были приделаны рукояти, за которые сразу же взялся каатианец.

– Дистанция двести метров, – сообщил он притихшим торговцам. – Не забудьте про беруши и бинокли.

И открыл огонь прежде, чем удивленные зрители воспользовались советом.

В двухстах шагах от места встречи была установлена мишень – большой деревянный щит из четырёхсантиметровых досок, – и именно её щедро поливал свинцом Бельгердейн. В конкретное место не целился, просто лупил по дереву, постепенно стирая его в труху и вызывая всё большее и большее изумление у издававших виды менсалийцев. Дикий рёв, крутящиеся стволы, гильзы, вылетающие со скоростью опилок из-под циркулярной пилы, но главное – результат: бессчётные пули не просто растерзали щит, они его уничтожили, испарили, оставив на месте мишени лишь щепки да облако пыли, – всё это заставило торговцев и их телохранителей раскрыть рты.

– Привод электрический! – рявкнул изобретатель, отпуская гашетку. – Скорострельность не высчитывал, но она огромна, приходится соединять по три-четыре ленты. Мощь... Ну, вы видели сами. – Бельгердейн картинно облокотился на слегка разогревшееся устройство. – Делайте ваши ставки, добрые синьоры, мне до крайности требуются наличные.

– Гкхм... – кашлянул Уру, потирая вислый нос.

– Серьёзная бандура, – признал Рахи, ковыряясь в ухе.

– Щит в щепки, – протянул третий, отнимая от глаз бинокль. – А он даже минуты не стрелял.

– Сколько лент ушло?

– Четыре.

Торговцы переглянулись.

– И ты сможешь делать эти пушки здесь?

– Победитель получит подробную информацию о производстве, – серьёзно подтвердил изобретатель. – Я лично обучу ваших мастеров и не уеду, пока не удостоверюсь, что они способны самостоятельно создавать оружие. Я подарю вам золотую жилу. – Затем каатианец широко улыбнулся и поинтересовался: – Кто начнёт торги?

– Гкхм... – повторил Уру. И почти с грустью произнёс: – Полагаю, что никто.

Многие обыватели Герметикона искренне считали, что главным источником дохода Омута является рэкет. Другие ставили на торговлю наркотиками или оружием. Третьи напоминали о проституции и азартных играх, но никто, абсолютно никто из обывателей не мог представить, что самую большую прибыль в Омуте приносила честность.

Соединив разбежавшиеся во Вторую Эпоху Распада мира, Герметикон создал для преступных сообществ уникальные перспективы и широчайшее поле деятельности, на которое они не преминули выйти, занявшись контрабандой всего и вся. Прибыль от нелегальной межзвёздной торговли достигала тысячи процентов, но возникла проблема: человеческая природа. Криминальные группировки охотно шли на контакт друг с другом, но соблазн «кинуть» партнёров был прямо пропорционален расстоянию между мирами, и многие перспективные проекты умерли – и хорошо, если без крови, – из-за банальной жадности участников. Перспектива создания колоссального криминального спрута, раскинувшего щупальца по всему Герметикону, оказалась под угрозой, и именно тогда на сцене появились деятели вроде Умного Зума: авторитетные ребята с длинными руками, способные не только гарантировать честность сделки, но и жестоко покарать обманщиков.

Они не участвовали в сделках, они обеспечивали их, получая небольшой процент с каждого цехина, что гулял в криминальных карманах, и они фактически являлись хребтом Омута.

Систему, созданную Умным Зумом и его коллегами, поняли. Систему оценили. И довольно быстро – всего за пару лет – внедрили по всему Герметикону.

Систему, основанную на честности.

Гарантированные Омутот сделки проходили без сучка и задоринки, но Бельгердейн не продемонстрировал свою связь с межзвёздным криминалом, и жадные менсалийцы сочли его законной добычей.

– Гкхм... – повторил Уру. И почти с грустью произнёс: – Полагаю, что никто.

– То есть я не смог заинтересовать вас своим изобретением? – печально осведомился каатианец.

– Как раз наоборот: мы крайне заинтересованы в твоих секретах, но платить за них не станем. – Клячик скрестил на груди руки и благодушно ощерился.

– Ты просто всё нам выложишь, – пообещал Лежан.

– Иначе мы будем тебя пытаться.

– И ты всё равно выложишь все подробности.

– Решили меня кинуть?

– Пулемёт разряжен, – с гадливой усмешечкой напомнил Лежан. – Мы видели, как закончилась лента.

Два или три боевика коротко и весело гыкнули, но даже шагу не сделали в направлении подавленного изобретателя. Во-первых, не велено. Во-вторых, они чувствовали себя хозяевами положения: страшный «Бельгер» молчит, поляна окружена, каатианец один, и если хочет выжить, то примет менсалийские условия. Те условия, которые на предварительной встрече торговцам озвучил Клячик: полгода рабства – за это время он расскажет всё, что знает, – после чего, возможно, щедрая премия в десять цехинов и билет прочь.

– Извини, парень, ты просто не рассчитал, с кем имеешь дело, – почти добродушно произносит Уру.

– Как раз наоборот – рассчитал, – отзывается Бельгердейн и небрежно машет рукой, как будто слова авторитетного мужчины из Пекарни Ли это не более чем надоедливые мухи, которых можно разогнать одним движением.

Но Бельгердейн не просто машет. Перед тем как сделать жест, он с ловкостью фокусника извлекает из кармана жилета маленькую бомбу и взмахом отправляет её в полет. И в то мгно-

вание, которые она движется к земле, Уру успевает осознать, что место встречи выбирал каатианец и у него была тысяча возможностей подготовить его по своему вкусу.

Уру успевает осознать, но не успевает ничего сделать. Да и никто не успел бы.

Грохочет первый взрыв.

Бомбочка из рукава становится детонатором, который приводит в действие всю минную систему поляны.

Взрыв.

Первый. Короткий. Но оглушительно громкий. У него две задачи: вызвать цепную реакцию и ошеломить. И он справляется с обеими на сто процентов.

Взрыв.

Боевики машинально отшатываются, стараясь оказаться подальше от опасного места. Трусливые торговцы пригибаются, надеясь, что охранники справятся с проблемой. Ступор овладевает менсалийцами, и две следующие секунды принадлежат каатианцу. Точнее, другим его бомбам. В следующие две секунды взрываются ещё двенадцать заложенных ранее снарядов, и поляну заполняет не только грохот и огонь, но и густые клубы жгучего дыма, рвущего лёгкие и заставляющего слезиться глаза. Бомбы изобретатель установил алхимические и, судя по действию газа, высочайшего класса: достаточно лишь вдоха, чтобы надолго выйти из игры, и все присутствующие менсалийцы успевают этот вздох сделать. Теперь они катаются по земле, ругаются, стонут, плачут и рычат. Трава истоптана, перепачкана выделениями, поляну окутывает отвратительная резкая вонь, вызывающая дополнительные рвотные позывы, и всё это будет продолжаться до тех пор, пока ветер не рассеет газ.

Бельгердейн же свои две секунды потратил с умом: вытащил из-под брезента маску и натянул её на круглую физиономию, которую теперь никто не назвал бы простодушной. Обезопасив себя от газа, каатианец полностью сбрасывает брезент – как оказалось, пулемет был смонтирован на мотоциклете галанитского производства, – заводит двухколёсную машину, лихо подруливает к столику, сгребаёт драгоценные шкатулки в седельную сумку и даёт по газам. Двигатель ревёт, обдаёт катающихся по земле менсалийцев вонью сожжённого бензина, и мотоциклет уносит разбогатевшего седока прочь.

* * *

Война.

Плохое слово, придуманное для обозначения плохого дела. Слово, состоящее из крови, насилия, смерти, ужаса, грязи, жестокости... И при этом – понятное каждому. Не требующее перевода и объяснений. Беспощадное, будто удар сабли. Меняющее всё и сразу. Меняющее навсегда, поскольку рубец войны, даже самой маленькой и быстрой, ложится не только на тех, кто воевал, но на его семью, на детей и внуков. Ложится рассказами переживших кровь, насилие, смерть, ужас, грязь и жестокость. Ложится грубо и глубоко, а заживает плохо, потому что желание мстить медленно и очень неохотно превращается в главу из учебника истории, очень неохотно.

Война рвёт жизнь, но у любой кровавой мясорубки существует цель: дойти, захватить, освободить, уничтожить... Любая мясорубка заканчивается, и лучшая война – короткая, пусть кровавая, но быстрая, чтобы армия не успела устать, а победа не превратилась в поражение. Худшая же – гражданская, война всех против всех, без надежды и милосердия. Война народа, но не народная.

Война самоубийц.

Именно такая полыхала на Менсале вот уже двадцать с лишним лет. Иногда жаркая, когда горел весь континент, в воздухе бились цеппели, а бронетяги вытаптывали целые города; иногда вялая, огрызающаяся пограничными перестрелками да бесчинствами «свободных сотен»,

но всегда идущая, непрекращающаяся. На Менсале росло уже второе поколение войны, росли дети, которых с пелёнок учили убивать, которым нравилось убивать, которые не знали другой жизни, кроме одной – отнимать жизнь чужую. Здесь было больше оружия, чем на любой другой планете Герметикона, а в сферопорту отсутствовало такое «ненужное ограничение», как таможенный контроль: экипажи приходящих цеппелей в обязательном порядке показывались Братьям Доброй Дочери – за нарушение этого правила Астрологический флот мог демонтировать Сферу Шкуровича, – но в грузовые отсеки никто не лазил. И это обстоятельство инженер Холь ценил очень высоко, поскольку оно позволило, не привлекая ненужного внимания, перевезти на планету необходимое для экспериментов оборудование.

Хотя нет, пожалуй, больше отсутствия таможни Холя обрадовала возможность заполнить в полное распоряжение действующую точку перехода – место, откуда цеппель нацеливался и прыгал в соседний мир. На Луегаре, родной планете инженера, все точки использовались с такой интенсивностью, что о сохранении эксперимента в тайне не могло быть и речи, и потому предложение Вениамина Мритского Алоиз расценил как чудо: укромный уголок планеты, гарантирующий отсутствие свидетелей, действующая, но при этом неудачно расположенная и потому почти заброшенная точка перехода – об этом можно было только мечтать.

Что же касается кровавой и вечной менсалийской войны, то она Холя интересовала слабо: Вениамин сказал, что поблизости войны не будет, а он слов на ветер не бросал.

– Сколько уловителей установлено?

– Триста два, – доложил Тогледо, не сверяясь со своим вечным спутником – блокнотом.

Триста два из трёхсот шестидесяти. С одной стороны, работа почти закончена. С другой – последний уловитель на этом аппарате следовало закрепить и откалибровать как раз сегодня. Алоизу не терпелось приступить к эксперименту, и возникающие то и дело задержки приводили инженера в неистовство.

Опытный Тогледо без труда заметил на лице Холя признаки зарождающейся бури и поспешил с объяснением:

– Отставание от графика существенное, но два калибровщика свалились с лихорадкой, а один Винс едва справляется.

– Действительно заболели? – отрывисто осведомился Холь.

– Искупались на Камышовом пляже, – сообщил Тогледо. – Вода там особенно теплая, приятная, но грязновата. Застаивается...

– Знаю! – с прежней отрывистостью бросил инженер, продолжая разглядывать пустые ячейки под уловители. – Всех предупреждали о Камышовом.

В ответ на это замечание Тогледо оставалось лишь руками развести, показывая, что не в силах держать ответ за человеческую глупость.

– Когда поправятся?

– Медикус надеется, что послезавтра утром хотя бы один вернётся в строй.

– Тогда завтра я буду калибровать лично, – решил Холь. – А при расчёте на Луегаре оштрафуешь обоих.

– С удовольствием, синьор инженер. – Тогледо позволил себе улыбку.

– На недельное жалованье.

– С удовольствием.

Алоиз достал платок, приподнял шляпу и вытер вспотевшую лысину.

– Менсалийская весна оказалась жарче бахорского лета. Боюсь представить, что будет дальше.

– Искренне надеюсь, что вы завершите эксперимент до наступления местного лета.

– Согласен. – Холь водрузил шляпу на место и глубоко вздохнул: – Иначе мои шестерёнки расплавятся.

Крупные люди, как правило, с трудом переносят жару, а Алоиз был именно таким: рост два метра, кость широкая, размашистая, мяса на неёросло соразмерно, так что выглядел инженер великаном. Пусть потным, зато действительно большим. Его чёрные, с густой проседью, волосы давно отступили с макушки, сосредоточившись за ушами и на затылке, а чтобы им не было скучно, Алоиз отрастил на лице роскошные вислые усы, не менее роскошные, пышные, как сельбартанская сирень, бакенбарды, и брови, которые сделали бы честь бровастому прыгунчику с Хамоки, если бы Линггийское Географическое общество сумело подтвердить факт его существования. Голубые глаза Холя когда-то называли умными и весёлыми, сейчас же – только умными. Его большой нос добродушно нависал над густой растительностью, а толстый подбородок упрямо выдавался вперёд, деловито расталкивая усы.

Другими словами, выглядел Алоиз Холь солидно, в строгом соответствии со своим положением промышленника и изобретателя.

– Что у нас ещё плохого?

– Дальше – только хорошее, – поспешил заверить Тогледо. – Монтаж второго аппарата движется чётко по графику.

– Потому что ещё не брались за уловители.

– Там их понадобится вдвое меньше.

– Единственное утешение... – Ещё один взгляд на пустые ячейки, короткое проклятие в адрес бестолковых монтажников, и Холь повернулся к подошедшему радисту: – Новости?

– Десять минут назад на связь вышел доминатор «Повелитель неба», флагман губернатора Мритского, – доложил тот. – Они прибудут в Карузо через полтора часа.

– Они? – Инженер удивлённо приподнял брови – он ждал одного Вениамина.

И тут же последовал ответ:

– Синьор губернатор изволит путешествовать с супругой.

Камнеградка наступала постепенно, неторопливо, не удивляя внезапностью, а с ленивой медлительностью подготавливая наблюдателя к своему появлению.

Сначала закончился лес. Северо-восток Мритии славился им, густым, влажным, тянувшимся на сотни лиг, за которые глаз успевал привыкнуть к ветвистой зелени, и когда она внезапно сменилась мягкостью длиннющей, выше человеческого роста, травы, Агафрена не сдержала изумленного восклицания:

– Трава?!

– В ней водится больше зверья, чем ты можешь представить, – подтвердил стоящий рядом Вениамин. – Деревья здесь приживаются плохо, но в траве полно жизни.

И почти сразу же молодая женщина разглядела среди трепещущих травяных волн чёрные рога антилоп. С высоты полёта – а цеппель шёл примерно в четверти лиги над поверхностью – каждое отдельное животное было бы не различимо, но стадо двигалось плотным потоком, вот и попало на глаза. И не было сомнений в том, что антилопами животный мир не ограничивается.

– Местные называют эту область Сочностью.

– Местные? – удивилась Агафрена. – Здесь живут люди?

В её представлении большую глушь невозможно было представить.

– Живут, и их довольно много, – подтвердил Мритский.

– Твои? – помолчав, осведомилась женщина.

– Мнят себя свободными, – хмыкнул Вениамин.

Неприятно хмыкнул. Не со злобой, а презрительно, словно обещая «мнящим» крупные неприятности.

Агафрене не нравилось, когда муж начинал вести себя подобным образом, и она поспешила в каюту, отделившись заурядным объяснением насчёт заболевшей головы. К тому же её действительно слегка укачивало в цеппелях, и потому следующие два часа супруга губернатора

провела на диване: горничная читала ей вслух и периодически делала укусовые компрессы. За это время поймавший попутный ветер «Повелитель» преодолел почти сотню лиг, а Сочность сдалась на милость Камнегрядке.

Сначала трава стала ниже, потом желтее, а ещё через десяток лиг островки жухлой растительности превратились в редких гостей на голой и твёрдой, словно вытопанной миллионами марширующих солдат, неплодородной земле, которую в массовом порядке вздыбливали крупные камни, валуны и даже небольшие скалы, – началась знаменитая и безжизненная Камнегрядка, занимающая весь северо-восток главного менсалийского континента.

– Первые сотню лиг ещё попадаются оазисы, но они быстро заканчиваются, – объяснил Вениамин поднявшейся на капитанский мостик супруге. – На основной части Камнегрядки ничего не растёт и никто не живёт.

Угрюмый пейзаж, на который ложилась тёмная тень цеппеля, подтверждал слова Вениамина и, казалось, был воплощением Мертвенной Безнадёжности.

– Зачем же она нужна? – не удержалась Агафрена. – Камнегрядка безжизненна, как смерть.

Кошмарное пространство пугало мрачной бледностью образа, ощущением заброшенного кладбища и отсутствием души. Казалось, словно сама Пустота взяла эту часть континента в аренду, и женщина против воли вздрогнула.

Ей словно привиделся Знак.

– Так было задумано, – спокойно отозвался Мритский. – Даже в этой проклятой земле есть частичка замысла Создателя и капелька благочестия святого Игвара.

– Не сомневаюсь, – негромко произнесла женщина.

– Куда уж тебе, – так же тихо, чтобы язвительное замечание осталось неслышным капитану «Повелителя», бросил Вениамин.

Агафрена привычно подавила короткий вздох. Подобно высокородным адигенам, губернатор Мритский являлся убеждённым олгеменом, требующим от буйных подданных если не почитания, то хотя бы почтения к древней религии, и именно в его столице, а не в сферопорте, как обычно, располагалась резиденция архиепископа Менсалийского и кафедральный собор планеты.

Вениамин верил искренне, и это было здорово.

И это было страшно, учитывая, что он творил.

– Форт Карузо находится в самом большом из оазисов Камнегрядки, – продолжил тем временем губернатор. – Несколько лет назад геологи предположили, что в этой глуши есть залежи валерия и убедили меня начать экспансию. Я построил форт, наполнил его припасами – он должен был стать форпостом моего продвижения в Камнегрядку, – снарядил две экспедиции, но валерия не нашёл.

– Ты был зол тогда, – обронила Агафрена, припомнив жуткие истерики, что случались с разочарованным Вениамином в течение целого месяца.

– Было жаль средств и противно за несбывшиеся надежды, – легко ответил Мритский. И протянул жене бинокль: – Видишь палку над воротами?

– Вижу.

Доминатор приблизился к крепости настолько, что с помощью хорошей оптики можно было разглядеть даже столь мелкий объект.

– А череп на ней?

– Да.

Она не вздрогнула, несмотря на то что зрелище вызывало у неё искреннее отвращение. Вениамин не был «добреньким» губернатором, поскольку добренькие среди менсалийских князей не попадались, но никогда не позволял себе столь варварских жестов.

– Это всё, что осталось от Фернандо Карузо, геолога, который убедил меня вложить кучу денег в освоение никому не нужной Камнегрядки. Как видишь, ему повезло: не всякий бес-толковый рудознатец удостоивается чести стать географическим названием.

Череп таратился в безоблачное небо так, словно намеревался сбить тяжёлый крейсер взглядом пустых глазниц. Он не пугал, подобно Камнегрядке, но от него делалось тоскливо.

– Однако теперь форт пригодился, – заметила Агафрена. – Ты построил его не зря.

– Тогда я об этом не знал.

– Но перебил всех геологов.

– Они меня обманули, – очень спокойно произнес Вениамин. – А все, кто меня обманывают, – умирают.

– Они ошиблись, – возразила она.

– Не имеет значения.

Ещё один подавленный вздох, и молодая женщина вернулась к созерцанию открывающе-гося из окна гондолы вида: окружённое скалами озеро, крепость коричневого камня – как всё в этой безжизненной стране, – и висящий над ними импакто.

– Сначала я надеялся, что нас будет хранить только тайна, всё-таки медвежий угол... Но потом решил подстраховаться и пригнал сюда крейсер.

– Всего один?

Агафрена была менсалийкой и прекрасно понимала, что враги Мритского, соберись они проверить, что затевает губернатор на дальней окраине своих владений, отправят в Карузо не менее трёх крейсеров, и потому слегка удивилась, что осторожный супруг решился выехать из столицы в столь слабо защищённую крепость.

– Не забывай, что, когда я строил Карузо, предполагал, что ему придётся защищать путь к месторождению валериция, и уделил его подготовке особое внимание, – ответил Вениамин. – Даже сейчас, с третью гарнизона, форт способен выдержать полноценную осаду.

– Теперь я тебя узнаю.

– Что же касается импакто, то это «Легавый Ке» – самый быстрый крейсер Менсалы. Заметив противника, он не станет драться, а сразу же отправится за помощью.

Добренькие среди менсалийских губернаторов не встречались, а вот умненьких и хитрененьких хватало.

Отправляясь в путешествие, Агафрена готовила себя к тому, что увидит нечто необычное. Не форт, разумеется, крепостей она насмотрелась. Синьора Мритская готовилась увидеть грандиозную лабораторию, развёрнутую инженером в чистом поле, и не осталась разочарованной.

Но сначала – озеро. Полсотни лиг по Камнегрядке приучили к скудному пейзажу, к мысли, что пустошь пришла навсегда, а потому огромное по местным меркам озеро выглядело прихотью могущественного чародея, пожелавшего удивить и напоить усталых путников. Плинг был единственным озером Камнегрядки, остальные оазисы возникали вокруг источников, и неудивительно, что именно на его берегах Вениамин Мритский устроил свой форпост.

Крепость Карузо, естественно, опиралась на скалы и потому представляла собой не стандартный для Менсалы шестиугольник, а неправильной формы укрепление с тремя башнями, удачно расположенными артиллерийскими и пулемётными огневыми точками и тремя воротами, главные из которых – Западные – выходили к озеру, а Северные и Южные играли вспомогательную роль. Стены оказались невысокими, однако в современной войне большее значение имела их толщина, а с этим показателем в Карузо всё было в порядке: артиллерии противника придётся очень постараться, чтобы прогрызть в них дыру.

Однако сам форт, несмотря на необычность формы и местонахождения, не приковал внимание путешественников с «Повелителя» – они во все глаза смотрели на «хозяйство» Холя, что раскинулось к северу от форта, там, где скалы вновь становились камнями, которые можно

было сдвинуть с помощью строительных паротягов, и их сдвигали, наваливая по периметру участков грубые пирамиды из сваленных в кучу валунов. Первым, ближе всего к крепости, шёл палаточный лагерь, за ним протянулась складская зона, состоящая из больших палаток и навесов, под которыми прятались ящики, мешки и бочки. Склады заканчивались двумя огромными цистернами, сразу за которыми начинались мастерские, где собиралось и монтировалось на цеппели оборудование. И именно эта часть привлекала главное внимание путешественников, поскольку монтировались разработанные Холем устройства на рундеры – уникальные цеппели тороидальной формы, диаметром в триста метров каждый, которые были притянуты и крепко пришвартованы к земле.

С высоты «Повелителя» повседневная жизнь лагеря представлялась ненастоящей: человечки виделись малюсенькими букашками, домики и палатки – вырезанными из папье-маше игрушками, краны и паротяги – деревянными моделями, однако рундеры выглядели внушительно, и их важный вид позволил отнестись к открывшейся картине с должным уважением.

Капитан «Повелителя» цокнул языком, повернулся к губернатору и поклонился, не забыв произнести несколько глубоко обдуманных льстивых слов. Рулевой осмелился поддакнуть, и дерзость была принята благосклонно. И даже Агафрена, которой не было никакой нужды лишней раз выказывать мужу почтение, не смогла удержаться и вздохнула:

– Удивительно... – Она действительно была зачарована видом. – Никогда не подумала бы, что вы с Алоизом сумеете организовать столь мощное производство в такой глуши.

– Нам пришлось.

Потому что в первую очередь требовалось сохранить тайну: ради этого Холь отказался проводить эксперимент на Луегаре, пошёл на огромные траты и уговорил пойти на них Мритского. Тайна стала главным условием их сотрудничества.

– Я всегда знала, что ты способен на многое, Вениамин, – ровно продолжила женщина. – Но сейчас я потрясена. И восхищена.

– Спасибо, дорогая, – сдержанно кивнул Мритский.

Агафрена чуть улыбнулась и плавно повела рукой, словно очерчивая пальцем и форт, и лагерь, и рундеры:

– Всё это выглядит... величественно.

– Скорее – перспективно. Алоиз сказал, что если эксперимент пройдёт удачно, мы перевернём ход истории Герметикона, – спокойно, словно они обсуждали меню второго завтрака, произнёс Вениамин. – Мы обретём экономическое могущество, а вместе с ним – власть. Наши имена окажутся во всех учебниках истории.

– И мы вырвемся с Менсалы? – тихо спросила женщина.

– Мы навсегда забудем это грязное название, – твёрдо пообещал губернатор. – Навсегда.

* * *

В прошлые, мирные и вспоминающиеся сейчас, как райские, времена главным украшением менсалийских столиц являлись губернаторские дворцы: обязательно пышные, яркие, роскошные, способные поразить не только наивных простолюдинов из дальних хуторов, но и коллег из соседних провинций, в поте лица трудящихся над совершенствованием собственных родовых гнёзд. Именно родовых, поскольку менсалийские губернаторы издревле являлись самостоятельными, никому не подчиняющимися главами провинций, командующими армиями и издающими законы. А их необычный для Герметикона титул напоминал о том, что при колонизации планеты избавившиеся от власти даров менсалийцы надеялись установить на новой родине выборную систему. Однако не получилось. Губернаторы, возможно, первых из них действительно выбрали, образовали элиту, стали формировать династии, Дома, но при этом оказались достаточно искусными управленцами, сумев создать на планете развитое обще-

ство, не скатившееся, подобно многим мирам Бисера, в родо-племенные отношения. И потому в Эту Эпоху Менсала вошла достаточно уверенно: ей было что предложить межзвёздным торговцам.

Доходы планеты выросли, и между губернаторами развернулось нешуточное соревнование, для участия в котором на богатую Менсалу слетались лучшие архитекторы Герметикона, создававшие удивительной красоты комплексы, способные заморозить даже видавших виды адигенов.

Высокие, в пять-шесть этажей, да ещё украшенные скульптурами, видимыми из любой точки города... Изящные маленькие, перечерченные галереями и колоннадами... Утопающие в зелени парков и выходящие на главные площади... Разные, но одинаково сильно привлекающие взгляды... Восхищающие...

Тогда.

Теперь же былая роскошь напоминала о себе изредка, словно стесняясь, прорывалась элегантным мостиком через реку, неожиданным на фоне наведённой рядом переправы; подмигивала прохожим чудом уцелевшим фонтаном или беседкой в дальнем уголке дикого сада, в который обратился регулярный парк; поражала почерневшей от копоти, но прекрасной по исполнению мраморной статуей. Всепланетное соревнование по красоте и стилю завершилось без объявления победителя: с началом военных действий изящные излишества враз стали ненужными, пару прекрасных дворцов вообще разнесли в ходе уличных боев, а остальные торопливо превратили в крепости. Не архитекторы, разумеется, превратили, а опытные сапёры.

Огромные окна заложили, стены укрепили, парки вырубали, лишние мосты взорвали... но добавили колючую проволоку, бетонированные пулемётные точки, зенитные башни и сторожевые цеппели на длинных якорях – такими стали приметы сооружений, которые менсалийцы привычно называли дворцами. Надёжные крепости ценились даже в эпоху цеппелей и бронетягов, и только в них губернаторы чувствовали себя в безопасности.

– Четыре месяца? – мягко переспросил Рубен Лекрийский.

– Так точно, – подтвердил не услышавший подвоха офицер.

– Непонятная активность в форте Карузо продолжается уже четыре месяца, а я узнаю о ней сейчас?

Тон губернатора не изменился, оставшись мягким, как травы Сочности, однако докладчик мгновенно вспотел, нервным жестом вытер лоб и со страхом покосился на сидящего справа от Рубена Саймона Фила – начальника лекрийской контрразведки. На тихого одноглазого парня, которого вся Менсала называла Собакой Лекрийского. В настоящий момент Фил увлечённо заполнял лист бумаги геометрическими фигурами, делая вид, что разговор его совершенно не касается, но докладчик прекрасно знал, что ни одно слово не упущено и каждое тщательно взвешено.

И ещё он знал, что Филу частенько доводилось вешать людей, вызвавших неудовольствие губернатора. Не допустивших ошибку, а вызвавших неудовольствие.

– Камнегрядка далеко, – пролепетал офицер, повторно вытирая лоб. – Валериция на ней нет, поэтому она не вызывает интереса...

– Мне интересно всё необычное, что происходит на Менсале! – неожиданно рявкнул Лекрийский. – Абсолютно всё!

– Да, Ваше превосходительство...

– Я хочу узнавать о событиях до того, как эти события случаются!

– Да, Ваше...

– Заткнись!

– Да...

– Идиот!

Саймон оторвался от бумаги и бросил на докладчика короткий взгляд. Словно отмеряя веревку необходимой длины. Офицера едва не стошнило от ужаса.

– Итак, что ты знаешь? – вернулся к расспросам Лекрийский. – И постарайся не дрожать: пока тебе ничего не грозит.

– Да, Ваше...

– Докладывай!

Внешность Рубена была под стать его репутации – неприятной.

Годы – а Лекрийский был самым старым из губернаторов Менсалы – не облагородили его черты, а сделали их отталкивающими, словно отпечатав на лице Рубена всю мерзость его внутреннего мира. Переполненную пигментными пятнами кожу испещряли глубокие, похожие на шрамы, морщины. Крючковатый нос с каждым днём опускался всё ниже, а выдвинутая вперёд нижняя челюсть, наоборот, поднималась, и казалось, что очень скоро кончик носа и выпяченная губа сольются в вечном поцелуе. Остатки седых волос Рубен зачёсывал назад. Блёклые, как болотная вода, глаза часто гноились – последствия перенесённой в молодости лихорадки Шмурла, – и раньше это обстоятельство заставляло Рубена носить тёмные очки с диоптриями. Сейчас же ему было плевать.

Он знал, что отвратителен, что маленькие дети некоторых придворных дрожат при одном лишь взгляде на него, но Лекрийскому это нравилось.

– Неделю назад под Альволю наша рейдерская группа разгромила вошедшую с Мритии «свободную сотню», – запинаясь, рассказал офицер. – Согласно указу Вашего превосходительства, всех свободян должны были повесить, но командир сотни попытался купить жизнь важными сведениями и рассказал, что мритский форт Карузо расконсервирован, к нему переброшена импакто, два рундера и большое число рабочих.

– Что свободянин делал в Камнегрядке?

– Рекрутировал добровольцов в Сочности.

– Понятно... – Лекрийский пожевал губами. – Информация уточнилась?

– Мы допросили уроженцев Сочности, и все они подтвердили слова главаря, – передохнув, кивнул докладчик. – И даже больше: от них мы узнали, что в Карузо командует лугарский инженер Холь, свояк Вениамина...

– Сколько рабочих? – перебил офицера губернатор.

– Человек триста, не меньше.

– И четыре месяца трудов... – Рубен побарабанил по столешнице распухшими пальцами. – Свободянина повесили?

– Ещё нет. – Докладчик вновь заволновался, опасаясь, что совершил непоправимую ошибку. – Мы...

– И не надо пока. Может пригодиться...

– Да, Ваше превосходительство.

– Убирайся! – Счастливый офицер выскочил из кабинета, а губернатор повернулся к Саймону: – Что скажешь?

– Импакто, разумеется, принадлежит Вене, пришёл из Мритска для охраны, а вот рундеры чужие, – тут же произнёс Фил. – Но через Шпеев они не проходили.

– Точно?

Лекрийский не сомневался в полковнике, но имел привычку переспрашивать, требуя доказательств или оснований, на которых базировались выводы.

– Рундеры строят крайне редко, и только по специальному заказу, мой господин. Во всём Герметиконе их не больше двух десятков, и если бы два таких цеппеля пришли в наш сферопорт, об этом говорила бы вся Менсала.

Уверенный тон, а главное, взвешенные слова заставили губернатора признать правоту Фила.

– Пожалуй, соглашусь.

– А это значит, – продолжил контрразведчик, – что рундеры навели не на Сферу Шкуровича, а прямо на планету, что весьма опасно и в разы повышает вероятность катастрофы. А это значит...

– Веня и его свояк готовы пойти на всё ради сохранения тайны, – перебил помощника Рубен. – Сай, ты невероятно зануден в объяснениях.

– Зато точен, мой господин.

В ответ – диковатый оскал, который у Лекрийского считался дружелюбной улыбкой. Саймону старый губернатор доверял и позволял гораздо больше, чем всем остальным приближённым, вместе взятым. Возможно, так бы он относился к сыну, если бы сумел им обзавестись.

– Что мы знаем ещё?

– Около форта Карузо находится точка перехода, – припомнил Фил. Он не готовился к совещанию специально, но обладал великолепной памятью и помнил множество необязательных, а то и просто ненужных на первый взгляд фактов. – Алоиз Холь – известный исследователь Пустоты, можно предположить, что его очередной эксперимент будет связан с нею.

– То есть ты считаешь, что Холь готовит эксперимент? – Рубен промакнул платком правый, особенно загноившийся глаз. – Не получится так, что Мритский нанял свояка для создания какого-нибудь оружия?

В настоящее время между главными провинциями севера – Лекрией, Мритией и Трибердией – действовало перемирие, однако Рубен не сомневался в коллегах по суматошному губернаторскому цеху: если у них появится возможность нанести сильный удар, они нанесут его, невзирая на подписанные договора.

Фил же, как выяснилось, не разделял опасений Лекрийского:

– Рундеры – весьма занятные цеппели, мой господин, они слишком неуклюжи, громоздки и медлительны, чтобы ставить на них серьёзное оружие. А вот в качестве платформ для опытов они зарекомендовали себя великолепно, собственно, для того их и придумали. – Одноглазый полковник выдержал паузу и объяснил источник познаний: – Я читал об этом в каком-то цепарском журнале.

– Ты слишком много читаешь.

– Беру пример с вас, мой господин.

Лекрийский снова оскалился, помолчал, потирая плохо выбритый подбородок – слишком старая кожа сводила на нет все старания лучших цирюльников, – после чего заметил:

– Раньше Алоиз проводил эксперименты на Луегаре.

Что он имел в виду, угадывалось без труда.

– Значит, речь идёт о чём-то необычайно важном, – кивнул Саймон.

– Холь никогда не разменивался на мелочи, но никогда не предпринимал подобных мер безопасности. Если судить по ним, инженер относится к нынешней работе предельно серьёзно.

– Да, похоже.

Менсалийская научная школа приказала долго жить одновременно с началом гражданской войны: беспощадные погромы, которые стали визитной карточкой первых месяцев конфликта, не способствуют развитию академической мысли. Закрывались университеты и школы, разбредались по спокойным мирам преподаватели, уезжали исследователи и естествоиспытатели. Наука и образование оказались ненужными, детей в первую очередь учили военному делу, а не алгебре, и теперь планета, которая всего тридцать лет назад строила собственные паротяги, с трудом обеспечивала внутреннюю потребность в людях, обладающих навыком чтения и устного счёта.

Большинство молодых менсалийцев знать не знали, в чём смысл словосочетания «научные исследования», однако Рубен и Фил могли похвастать неплохой подготовкой и понимали, какую опасность могут таить секретные эксперименты знаменитого изобретателя.

Или – какие перспективы.

– Холь явно нацелился на грандиозное открытие. В противном случае он не сумел бы уговорить Веню на столь серьёзную помощь.

– Согласен, мой господин, – склонил голову одноглазый контрразведчик.

– Что это значит для нас?

Лекрийский лично воспитал Саймона и не сомневался, что тот потратит на поиск правильного ответа считанные мгновения:

– Компания наверняка заинтересуется изобретением.

– А Компания умеет быть благодарной, – тут же бросил Рубен.

Для подавляющего большинства обитателей Герметикона данное утверждение звучало как минимум спорным, однако Лекрийский произнёс это убеждённо, ничуть не сомневаясь в его искренности: старик был верным и последовательным проводником интересов Компании на Менсале, за что получил от коллег кличку Галанит.

– Полагаю, Сай, нам придётся рискнуть и разузнать о происходящем в форте Карузо. Нам нужно изобретение Холя, если оно существует, разумеется, и не нужно усиление Мритского.

– Да, мой господин.

– Займись.

На взгляд Лекрийского, совещание завершилось жирной точкой: Фил получил конкретный приказ и должен был немедленно приступить к исполнению. Старик раскрыл лежащую на столе папку с отчётом Интендантского департамента, но тут же отвлёкся на деликатный кашель, который издал одноглазый.

– Ты ещё здесь?

– Есть один нюанс, мой господин, – предельно вежливо произнёс контрразведчик. – Хочу обратить ваше внимание, что нынешнее дело достаточно сложное, причём не в технической части, а в интеллектуальной. Нам будет противостоять светило науки, человек безусловно умный, изобретательный, действующий в команде с известным подлецом Веней...

– Зануда.

– Мы должны понимать, что происходит, мой господин. Нам нужен классный эксперт.

В словах Саймона был определённый резон, однако Лекрийский уже обдумал идею привлечения специалиста и отказался от неё:

– Я не стану обращаться к Компании на данном этапе.

Рубен дорожил репутацией и не хотел выставять себя дураком.

В Компании ценили победителей, а к старикам относились насторожённо, охотно отправляя на покой тех, кто перестал выдерживать бешеный темп гонки. Если информация о Холе окажется «пустышкой» или же просто не заинтересует Компанию, то поползут слухи, что Галанит уже не тот и на Менсале должен появиться новый, перспективный игрок. А уходить Рубен не планировал.

– Понимаю, мой господин, – кивнул Саймон. – Поэтому я вспомнил о нашем добром друге из Шпеева Уру Клячике, который ведёт дела с авторитетным учёным Руди Йорчиком, уроженцем благословенной Галаны. Уру упоминал, что в последнее время Йорчик частенько навещает Шпеев.

– Что ему здесь нужно?

– Уру отказался уточнять.

– Интересно... – Лекрийский слышал об Йорчике и понимал, что столь значимой персоне нечего делать на опасной Менсале. Глава крупной промышленной корпорации должен отдавать приказы из уютного кабинета, рисковать шкурами подчинённых и приписывать себе их заслуги. Дело, требующее личного присутствия и переговоров с деятелями, вроде Клячика, должно быть необычайно важным, возможно – личным, и очень странно, что сей важный факт прошёл мимо внимания Фила.

- Я могу телеграфировать Уру, – продолжил одноглазый. – И если Йорчик здесь...
- Пригласи его, – кивнул Лекрийский. – Слетай в Шпеев и пригласи лично. Йорчик – большая шишка, к нему нужен подход.
- Да, мой господин.
- А заодно попробуй выяснить, что за дело у него с Клячиком.

* * *

– Переход завершён, господин Йорчик, – громко, потому что после Пустоты всегда получалось громко, доложил капитан Сварчик. – Добро пожаловать на Менсалу, сферопорт Шпеев.

– Да-да... спасибо. – Руди кивнул, словно подтверждая благодарность, после чего извлёк из внутреннего кармана пиджака плоскую фляжку с золотой монограммой на пузе и сделал большой глоток пятидесятиградусного сарильского ликёра на травах. Йорчик знал, что у цепарей считалось дурной приметой пить перед переходом, знал, что они презирали тех, кто пьёт после перехода, не имея другой возможности выгнать из себя остатки страха, знал всё, но ничего не мог с собой поделаться – пил. Руди и раньше недолюбливал путешествия между мирами, но, став обладателем величайшей тайны Герметикона, он всерьёз испугался умереть раньше, чем окажется на страницах учебников истории, и потому опасные переходы через Пустоту наводили на Йорчика панический ужас.

А не летать нельзя.

И приходилось пить.

С другой стороны, кого стесняться? Перед кем «держать лицо»? Экипаж «Розы Халисии» принадлежал ему с потрохами, будущее всех цепарей, включая капитана, полностью зависит от его, Йорчика, расположения – настолько хитро составили контракты юристы Руди, – и потому никто из них не осмелится даже пикнуть в адрес благодетеля. А осмелится – тут же станет жертвой доносчиков и вылетит с «Розы» с «волчьим билетом» в кармане и без малейшей надежды отыскать высокооплачиваемую легальную работу на Галане.

– Шпеев к западу, господин Йорчик. Посмотрите направо.

– Я знаю, где он.

Со времени последнего визита на Менсалу прошло меньше месяца, и Руди не успел растерять познаний в местной географии.

– Извините, – смутился капитан.

– Ерунда. – Йорчик сделал ещё один глоток из фляги и повернулся направо, без интереса разглядывая опостылевший сферопорт.

Скучный. Грязный.

Сферопорты по праву считались лицами планет, визитными карточками миров, всегда отстраивались с особенной тщательностью, с желанием удивить и похвастаться, и когда-то Шпеев занимал достойное место в ряду звёздных врат развитых планет Герметикона, однако почти тридцать лет гражданской войны свели усилия предыдущих поколений на нет.

Две массированные бомбардировки избавили город от высоких зданий, башен и красивейшего олгеменского храма Святого Игвара. Штурм, предпринятый объединёнными войсками прульцев и лекрийцев, вдребезги разнёс юго-запад, а знаменитый Верльменский пожар сожрал всю восточную часть Шпеева. Ту территорию до сих пор называли Копотью, и селились на ней исключительно бродяги. После вмешательства Герметикона нападения на сферопорт прекратились, однако город растерял прежний шарм, почти полностью попал под власть Омута и вызывал у Йорчика естественную неприязнь.

Жалкое поселение, наполненное примитивными, тупыми дикарями, сподобившимися устроить бессмысленную гражданскую войну: ничего, кроме презрения, эти полуживотные и их полуразрушенный термитник у Руди не вызывали.

«Роза Халисии» неспешно снижалась, и скучающий Йорчик громко поинтересовался:
– Нам выделили мачту?

Задал вопрос только для того, чтобы не молчать. После перехода Руди любил поболтать.
– Как всегда, первую, – доложил Сварчик.

Самую лучшую и современную, которую менсалийцы берегли для важных персон, к каковым, безусловно, относился магистр инженерных наук, профессор Ибельского университета, действительный член Галанитской академии наук, основатель и председатель совета директоров «ЙГ Механика» Рудольф М. Йорчик. Он вёл прибыльные дела с местными торговцами оружием – в последнее время особенно прибыльные, поскольку удачно перехватил несколько кардонийских контрактов, – не скупился на взятки портовым властям и всегда получал самое лучшее.

– Господин Уру Клячик, как принято, предоставил в ваше распоряжение кортеж с вооружённой охраной, – поведал капитан, изучив поданный радистом листок. – А городской голова Шпеева ждёт на ужин.

– Надеюсь, он перестанет подсовывать мне свою сестричку в качестве выгодной партии, – зевнул Руди. – Эти провинциалы ужасно утомительны.

– Согласен. – Капитан позволил себе улыбку.

– А их женщины – пошлы, неряшливы и плохие любовницы. Судя по всему, менсалийцам на роду написано воевать и убивать, а не получать удовольствие от любви.

– Каждому свое.

– Прекрасное выражение, – одобрил Йорчик. – Каждому своё! Как метко!

Сварчик с достоинством принял похвалу. Руди же глотнул ещё ликёра и плюхнулся в капитанское кресло, сделав вид, что у него приключился внезапный «приступ научной задумчивости». В действительности же Йорчик терпеть не мог даже самого плавного снижения и предпочитал пережидать их сидя и по возможности под хмельком.

Основатель могущественной корпорации «ЙГ Механика» давно злоупотреблял спиртным, и с его помощью неумолимо превращался из не очень спортивного, но ещё цветущего мужчины сорока шести лет в страдающую одышкой развалину с одутловатым лицом, на котором ярко выделялись большие зелёные глаза. Непотускневшие, несмотря на образ жизни. И ещё Руди удавалось сохранять роскошную чёрную шевелюру: длинные, чуть ниже плеч, кудрявые волосы; их Йорчик чаще всего носил распущенными.

– Команду можете отпустить на сутки, – произнёс ученый сразу после того, как швартовочное устройство «Розы Халисии» с неслышным из гондолы лязгом соединилось с причальной мачтой. – Вы тоже свободны, но завтра утром явитесь на доклад.

– Вы остановитесь в «Астория Лепре», – уточнил Сварчик. – Как всегда, губернаторский люкс.

– И позаботьтесь о том, чтобы на этот раз Клячик получил образцы вооружений без задержек, – прохладно бросил Руди. – Я не хочу вновь выслушивать язвительные замечания от туземцев.

Во время предыдущего визита суперкарго перепутал ящики, отправив новейшие «подарки от фирмы» конкурентам Клячика, с которыми Йорчик также имел дела. Суперкарго сейчас безуспешно пытается найти хоть какую-то работу, с ужасом ощущая приближение нищеты, но его судьба Руди не волновала. Руди беспокоился лишь о том, что ему пришлось пережить несколько неприятных минут.

– Прослежу лично, – твёрдо пообещал капитан.

– Очень хорошо. – Йорчик поднялся, сделал шаг к дверям, намереваясь покинуть мостик, но краем глаза заметил нечто необычное и резко повернулся к окну: – Цеппель благотворительного общества «Медикусы Вселенной»?

Впервые с момента завершения перехода Йорчик проявил неподдельный интерес к происходящему.

– Совершенно верно, – подтвердил Сварчик, мельком взглянув на белый, украшенный огромным красным крестом аппарат, медленно направляющийся к дальней мачте.

– Откуда у них цеппель? – удивился Руди. – Вот уж не думал, что у этих побирушек может оказаться в собственности настоящий цеппель.

Несмотря на коммерческие успехи, в характере Йорчика ещё оставались черты рассеянного ученого, умеющего «не замечать» даже то, что лежит под носом. Иногда «плавание» Руди в элементарных или очевидных вопросах ему вредило, иногда, как сейчас, вызывало у окружающих недоумение.

– При всём уважении, господин Йорчик, хочу напомнить, что благотворительное общество «Медикусы Вселенной» располагает довольно внушительным флотом из десятка, если не больше, цеппелей, – негромко произнёс Сварчик. – Главным спонсором общества является Компания. Через подставные фирмы, разумеется. Цеппели же используются там, где по каким-либо причинам нельзя демонстрировать галанитский флаг.

– То есть медикусов на «Доброте» нет? – изумился успевший прочесть название цеппеля Руди.

– Обязательно есть, – качнул головой капитан. – Но при этом они являются кадровыми сотрудниками Департамента, а санитары – отборными головорезами.

* * *

– Восьмая мачта?! – возмутилась Сада Нульчик. – Ты серьёзно?

– Серьёзно, – печально подтвердил капитан Фарипитетчик. – Нам дали её.

– Наверное, ржали при этом?

– Я не слышал.

– Какая наглость!

В Шпееве стояли три оснащённых лифтами мачты и ещё четыре с подъёмными механизмами, позволяющие опустить цеппель к земле. Обычно «Доброте» доставалась одна из семи, что позволяло избавиться или от длительного процесса швартовки к поверхности, или от путешествия пешком с высоты в семьдесят метров по грязным железным лестницам.

Но сегодня галанитам не повезло.

– К сожалению, мирный цеппель знаменитой благотворительной организации не является на Менсале приоритетным гостем, – с иронией протянул капитан. – Доброта здешним дикарям неведома.

– И гуманизм – тоже, – поддержала Сада шутку Фарипитетчика.

– И сострадание.

– Просто удивительно, как им удаётся существовать в столь варварских условиях?

– Как-как! Режут друг друга.

– Идиоты!

Галаниты рассмеялись, и Сада почувствовала, что дурное настроение её покинуло.

В конце концов, она просто забылась, упустила из виду, что сейчас менсалийцы встречают не сотрудника всемогущего Департамента секретных исследований Компании, а скромнейшего главного медикуса передвижного полевого госпиталя «Доброта», которому не по чину требовать от местных дикарей уважения. К тому же уважение на Менсале традиционно базировалось на страхе, а благотворительная организация «Медикусы Вселенной» по определению не являлась структурой, способной нагнать ужас.

Невооружённый цеппель не вызывал никакого почтения и, согласно безумной логике вечно воюющих менсалийцев, должен был считаться законной добычей для любого удачли-

вого командира, но «Доброту» тем не менее не трогали, демонстрируя, что кое-какой здравый смысл у местных ещё остался: ведь передвижной госпиталь бесплатно обеспечивал местных первоочередной медицинской помощью, спасая людей независимо от их статуса.

– Планы не поменялись? – негромко осведомился капитан. – Мы пробудем в Шпееве не менее двух суток?

– Ничего не изменилось, Якта, – подтвердила Сада. – Двое суток. Так что можешь распустить команду.

– О дальнейших планах что-нибудь известно?

– Продолжаем выполнять задание, – ровно ответила женщина. – Оно имеет наивысший приоритет.

Голос прозвучал очень спокойно, и лишь Создатель знал, чего стоило Саде Нульчик беспристрастное упоминание их нынешнего дела. Какие эмоции она скрывала... Какие чувства...

– Полгода, – вздохнул капитан.

– И ещё столько, сколько потребуется, – тихо, но твёрдо отозвалась Нульчик. – Так надо.

– А если всё бессмысленно? Если мы ищем кошку, которой давно нет в тёмной комнате? – В последнее время Фарипитетчика всё чаще посещали подобные мысли. – Они могли ускользнуть.

– Этот вопрос выходит за рамки наших полномочий, Якта. Наше дело – искать.

Не останавливаться и не сомневаться.

Нынешнее задание изначально показалось Саде элементарным: найти троих инопланетников, ВОЗМОЖНО, путешествующих по Менсале на диковинном для этой планеты паровинге – что может быть проще, учитывая развитую сеть агентов и добровольных помощников, которую создала медикус Нульчик за пять лет? Не знающие местных порядков инопланетники должны были попасть в сети за неделю, максимум за две. Так думала Сада, рассылая помощникам сообщения, однако время шло, а результат отсутствовал. То ли чужаки хорошо спрятались, то ли погибли, то ли действительно покинули Менсалу, но вот уже семь месяцев о них не было ни слуху ни духу, и это выводило Саду из себя. Нет, не из-за того, что инопланетники пропали. Сада нервничала потому, что не смогла выполнить личное поручение самого Абедалофа Арбедалочика, одного из молодых лидеров Компании, чье покровительство могло бы обеспечить Нульчик невероятный карьерный рост. Абедалоф прислал Саде послание, в котором доходчиво объяснил всю важность нынешнего задания, предоставил в её распоряжение дополнительные ресурсы, пообещал щедрую награду, но...

Но результат отсутствовал.

В последние два месяца Сада резко увеличила число путешествий, сновала из провинции в провинцию, суетилась, почти паниковала, но всё оставалось по-прежнему: инопланетники не появлялись, и Нульчик позабыла о том, что значит душевное спокойствие.

– Корабль у первой мачты только что пришвартовался, – хмуро произнесла Сада, вспомнив о пережитом унижении. – Кто увёл стоянку у нас из-под носа?

– Галанитский цеппель, – ответил Фарипитетчик, поднося к глазам бинокль. – Если угодно, я уточню в портовой администрации, что это за судно.

– Уточни. – Ярость, возникшая при мысли о невыполненном задании, смешалась со злостью от нынешнего унижения, и Сада обрела цель на ближайшую пару дней: решила наказать неведомого путешественника, отнявшего у неё комфортную мачту. – Хочу знать, кто перебежал мне дорогу.

* * *

«Это сделал Павел Гатов.»

Нет, в действительности он много чего сделал и, уверен, сделает ещё, поскольку является человеком умным и деятельным... Не таким, конечно, деятельным, как Бабарский, – до ИХ Павлу ещё расти и расти, но всё равно очень энергичным. Однако сейчас я рассказываю не о том, что Гатов кипуч, как чайник, а о том, что он спас наши никчёмные жизни.

В паровинге.

Когда Пустота плюнула нами в Менсалу.

К счастью для нашего маленького предприятия, в Шпееве царила глубокая ночь, и неожиданное – вместе с цеппелем – появление паровинга осталось не замеченным ни с земли, ни с грузового судна, в кильватере которого мы прибыли на планету. Но был нюанс: заглохшие двигатели. И ещё два нюанса: мы с Бааламестре без сознания. Валялись, как мешки, совершенно не способные помочь Гатову в борьбе за жизнь. Воздуха всё-таки не хватило, мы с Каронимо заснули добрым крепким сном, из которого не должны были вырваться, и как Павел ухитрился продержаться ту лишнюю минуту до окончания перехода, я не понимаю до сих пор. Он сказал, что презерватив Бааламестре сыграл свою роль, но мне не верится. В презерватив не верится, скорее уж святой Хеш, добрый покровитель цепарей, так изумился, увидев в переходе паровинг, что осенил нас своим благословением.

Хотя... Возможно, нас действительно спас презерватив. Пустота непредсказуема и любит пошутить.

Как бы там ни было, Гатов продержался столько, сколько требовалось. И при этом ухитрился сохранить ясность ума, потому что, когда наш несчастный паровинг вылетел из «окна», Павел не завопил от радости, а сосредоточился на управлении, не позволив машине свалиться в штопор. И ухитрился запустить двигатели. И знаете что? Я – человек современный, даже прогрессивный, я осторожно отношусь к божественной теории сотворения мира, но у меня есть только одно объяснение нашему везению – чудо. И сотворил его мой друг Павел Гатов.

Вот так!

Выровняв паровинг, он вернул нам сознание с помощью энергичных пощечин и найденного в аптечке нашатырного спирта, отпустил пару шуток и устроил импровизированное совещание на тему: «Что делать дальше?»

У ночного прилёта было множество плюсов и только один, но серьёзный недостаток: мы совершенно не ориентировались на местность. С другой стороны, никто из нас в географии Менсалы не разбирался, поэтому хоть днём, хоть ночью мы всё равно не знали, куда лететь, понимали только, что должны держаться подальше от населённых мест, чтобы не стать добычей местных вояк. Но в этом решении таился подвох: в безлюдных местах мы не могли починить паровинг, тем более что третий двигатель сдох через час полёта, и одновременно выяснилось, что цистерна с водой пробита в нескольких местах.

В итоге Гатов принял решение садиться на ближайшее озеро и попытаться своими силами привести паровинг в удовлетворительное состояние.

Решение, как выяснилось чуть позже, оказалось ошибочным...»

Из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

У каждой эпохи свои приметы и символы, идеи и философия, взгляды, проблемы, возможности и цели. Свои герои и свои отходы. Любое общество на любом этапе развития оставляет после себя не только архитектурные памятники, антикварные ценности, накопленные долги и списки казнённых, но и огромное количество переломанного или протухшего барахла, которое через пару-тройку тысячелетий займёт почётное место на полках историче-

ских музеев. Отходы производит любая цивилизация, и именно с их помощью можно составить наиболее полное мнение о том или ином обществе.

Потому что мусор не врёт, рассказывает о нас так, как мы того заслуживаем.

Самые страшные отходы, если в данном случае сей термин уместен, появились в Эпоху Белого Мора, когда на свалки, в буквальном смысле, выбрасывали трупы. Страшная болезнь косила всех: и адигенов, и простолюдинов, жестоко опустошая миры Ожерелья, и оставила после себя бесчисленные братские могилы, ибо в те времена живые не всегда успевали сжигать мёртвых, как того требовали медикусы Добрай Дочери.

В другие Эпохи содержимое свалок было не столь ужасающим, а его количество не превышало минимально возможного уровня, поскольку небогатая жизнь требовала внимательного и бережного отношения к ресурсам: продукты съедали подчистую, одежду носили до состояния крайней ветхости, поломавшийся инструмент переплавляли на металл, а деревянный сжигали или использовали в строительстве. Эта Эпоха отношение к ресурсам не особенно изменила, в большинстве своём люди вели себя экономно, однако постепенно на планетах начали формироваться особенные свалки, ставшие настоящей приметой времени: кладбища брошенной и сломанной техники, куда свозили совсем уж разбитые машины, вероятность восстановления которых равнялась нулю или же требовала несоразмерных вложений.

Самые большие кладбища возникали в богатых мирах, где обилие ресурсов позволяло не придавать особого значения переплавке отжившей своё техники; и на воюющих планетах, где бронетяги и пушки выходили из строя быстрее, чем хилые заводы успевали их утилизировать. На Менсале, разумеется, подобных свалок было в достатке, а самой большой из них по праву считалась Паровая Помойка, привольно раскинувшаяся на тысяче с лишним гектаров трибердийской земли и удивлявшая богатейшей коллекцией всевозможной техники. Бои на севере континента всегда шли масштабные, на оружие губернаторы не скупились, и потому на Паровой можно было отыскать бронетяги из Кардонии и Линги, потрогать каатианскую гаубицу и посидеть в галанитском аэроплане, увидеть обломки цеппелей – унылые остовы разбившихся великанов, останки бронепоездов и переделанных для боя грузовиков, здесь было всё, что некогда воевало, здесь умирало то, чему предназначалось убивать.

В северо-западном углу Помойки стоял небольшой плавильный завод, в недрах которого превращались в металл ненужные детали, и целая шеренга основательно оснащённых мастерских, где приводили в чувство то, что поддавалось ремонту. Здесь же, в мастерских, набирались опыта будущие механики трибердийской армии, а в маленькой школе обучались нехитрым наукам детишки из окрестных деревень, готовясь служить Трибердии там, где требуются грамотные люди. Устройство систематического образования настолько сильно понравилось губернатору, что он официально взял Паровую под высочайшее покровительство, а её хозяин – старый Эзра Кедо – получил пожизненное, ненаследуемое право входить к Его высокопревосходительству без доклада.

Коим, впрочем, ни разу не воспользовался, ибо во дворце бывал крайне редко, предпочитая ему Помойку.

– Чихает?

– Чихает, – убито признался механик, бросив печальный взгляд на провинившийся мотоцикл. – Я дважды проверил: мотор в порядке.

– Но чихает, – многозначительно протянул Эзра.

Однако молодой перепачканный маслом парень намёка не услышал:

– Ага, чихает.

– И ты не знаешь почему?

– Нет.

– А подумать?

– Я думал.

– А головой? – уточнил старик.

– Если головой, то получается ещё хуже, – грустно пошутил механик.

Хозяина Помойки парень знал с детства: сначала в школе воспитывался, теперь по моторной части ума набирался и потому был уверен в том, что шутка будет понята правильно.

Так и получилось. Эзра добродушно рассмеялся, после чего щёлкнул молодого по лбу и произнёс:

– Голова должна была подсказать, что если с двигателем порядок, то проблема кроется в том, что от тебя не зависит. Например...

– Жега снова намудрил с перегонкой нефы!

– Точно. Иди в «горючку» и передай Жеге, что если ещё раз на работе размечтается о девочках, то будет двор подметать, а не раскладывать нефу на фракции.

– Сделаю!

Обрадованный парень рванул к стоящей в удалении «горючке», видной издали благодаря огромной цистерне с сырой нефой, а усмехнувшийся Кедо цокнул ему вслед языком, поправил шапочку и принялся с удовольствием оглядывать бурлящее хозяйство.

В первой мастерской – она стояла совсем рядом с плавильным заводом – занимались сборкой и разборкой корпусов, установкой броневых плит, переплавкой ненужного хлама, а также ремонтом ходовых частей. В следующем ангаре, таком же большом, как первый, работали специалисты по моторам, кузелям и двигателям внутреннего сгорания, а ещё электрики и единственный в Помойке радист. В соседнем сооружении царствовали оружейники, мечтающие украсить вход в ангар антикварной мортирой столетней давности, но Кедо не позволял; а ещё дальше расположились алхимики, в ведении которых находилась в том числе и «горючка».

И всё это беспокойное хозяйство беспрестанно звякало железом, поругивалось матом, пахло маслом, металлической стружкой, бензином, бегало по всей Помойке в поиске нужных запчастей, ожесточённо спорило у чертежей и искренне, с детской радостью и законной гордостью провожало за ворота каждую восстановленную машину. Это было не просто беспокойное, это было работающее хозяйство, умеющее и любящее создавать, и от понимания этого на душе у Кедо становилось теплее.

На Помойке работало не так много людей, как могло показаться со стороны, но все они были по-настоящему увлечены своим делом, крепко спаяны и безмерно уважали старого Эзру. И это обстоятельство, вкупе с губернаторским покровительством, позволяло Кедо делать вещи невозможные и немыслимые для других обитателей Менсалы.

Например, успешно укрывать в недрах Помойки троих приметных инопланетников.

– Уродец у тебя получается, – с дружелюбной усмешкой произнёс Эзра, медленно набивая трубку душистым табаком. Большому пальцу его правой руки так часто приходилось выполнять эту операцию, что он давно пожелтел от никотина. – Всем уродцам уродец.

– Не уродец, а прорыв, – пробурчал в ответ Гатов. При появлении старика Павел прекратил работу, спрыгнул на землю и принялся вытирать перепачканные машинным маслом руки. – Ходовую хочу улучшить.

– Не только уродец, но и бессмыслица, – продолжил Эзра привычную пикировку.

– Его ещё назовут изобретением столетия.

– В цирке.

– Умные назовут.

Являясь в самый дальний, «резервный» ангар, который он определил в распоряжение гостя, Кедо всегда начинал разговор со смешков в адрес новой разработки Павла, а уж сейчас, когда машину выкатили во двор, на всеобщее, так сказать, обозрение, старик не удержался от особенно долгих замечаний:

– Эту железяку ни под что не приспособишь.

– Очень нужная в хозяйстве вещь.
– Поживешь с моё – поумнеешь.
– Я на такое не рассчитываю.
– Поумнеть?
– Столько прожить.
– Кокетничаешь, – вновь хмыкнул старик, одновременно раскуривая трубку. – Судя по тому, как тебе везёт, проживёшь ты долго.

– Везение может закончиться в любой момент, – заметил Гатов. – Я видел.
– Заканчивается не везение, а вера в себя.
– С этим у меня всё в порядке.
– Вот об этом я и говорю.

Гатов положил тряпку на высоченное колесо и пожал старику руку:

– Доброе утро, Эзра.
– Доброе утро, Павел. – Над мужчинами поднялось облако табачного дыма. – Завтракал?
– Только кофе попил.
– И сразу сюда?
– Ага.

Потому что увлечён. Потому что хочет создавать новое, необычное, странное, но при этом – полезное. И потому что у него получается создавать.

Больше всего на свете Эзра ценил в людях увлечённость, и ему нравилось заботиться о тех, кто увлечён.

– Я принёс тебе пару бутербродов.

– Спасибо. – Павел с благодарностью принял свёрток, но разворачивать не стал. – Не против, если я поделюсь с Мерсой? Он тоже голодный.

– Нет, не против. – Кедо пыхнул трубкой, выдержал паузу, после чего качнул головой: – И всё равно ты лепишь уродца.

– Ты себя в зеркало давно видел?
– А ты – себя? – Старик тихонько рассмеялся.
– Я красив, как дракон из сказки.
– И такой же умный.
– Приятно, что ты это признаёшь.

При взгляде на Павла Гатова, ни при первом, ни при втором и всех последующих, никто, будь он даже семи пядей во лбу, не разглядел бы гениального учёного с солидным академическим образованием и списком изобретений длиной в целую лигу. Невысокий жилистый брюнет – его короткие волосы вечно торчали в стороны, – с ухоженной бородкой, тёмными глазами и слегка оттопыренными ушами, Павел всюду появлялся в чёрных рабочих штанах с накладными карманами и грубом сером свитере с капюшоном, который сейчас, по случаю жары, сменила тоже серая майка. Серая не от грязи, как можно было подумать, учитывая постоянное пребывание Павла в мастерской, а просто серая. По каким-то лишь ему ведомым причинам Гатов одевался только в чёрное и серое. Запястья знаменитого учёного скрывались под многочисленными дешёвыми браслетами из бус, камешков, верёвочек, кожаных ремешков и прочей ерунды, крепкие руки испещрены татуировками, а в левом ухе поблескивала золотая серьга – многие из тех, кто профессионально ходит в Пустоту, твёрдо верят в то, что она способна уберечь от Знаков.

Внешне Павел напоминал лихого цепаря из «старых команд», чтущего традиции и приметы, но только вот вряд ли заурядный цепарь смог бы придумать машину, над которой сейчас работал Гатов, не говоря уж о том, чтобы воплотить свои фантазии в жизнь. Машину, которую Эзра обозвал уродцем.

Впрочем, было за что.

Новое творение Павла являло собой шестиколесный паротяг оригинальной – и это ещё слабо сказано! – конструкции. Ходовую Гатов снял с разбитого кардонийского «Ядрата», но основательно над ней поработал: удлинил оси, поднял на полметра клиренс, убрал два передних, не вписывающихся в замысел колеса, а соответственно изрядно переделал рулевое управление. В результате машина стала шире, но при этом устойчивее, несмотря на то что её днище располагалось примерно в двух метрах над землёй. Позаимствованный с паровинга кузель разместился примерно посреди агрегата, с небольшим смещением к задним осям, надёжно защищался бронёй, и получившаяся башня сильнее всего терзала эстетическое чувство Кедо. Однако обойтись без работающего на Философском Кристалле кузеля не представлялось возможным – только он мог дать тяжеленному агрегату нужную мощность.

Позади паротурбинного двигателя располагался кузов, совмещающий в себе и грузовой отсек, и огневую точку, а впереди – уникальная, невиданная ранее кабина.

Неизвестно, что удалось бы создать Гатову, располагай он, как привык, неограниченными промышленными мощностями, но даже сейчас, вынужденный собирать машину из разрозненных запасных частей, Павел с непринуждённой лёгкостью превзошёл инженерную братию Герметикона, собрав из наклонных плит изящную кабину, обеспечивающую прекрасный обзор водителю и стрелку курсового пулемёта. Кабина плавно переходила в «салон», где были оборудованы спальные места.

– И ты хочешь сказать, что разгонишься на своей каракатице до пятидесяти лиг в час? – недоверчиво осведомился Эзра.

– Разгонюсь и до восьмидесяти, – пообещал Гатов. – Мощная броня только на кузеле, в кабине и кузове она противоположная, всё лишнее я выбросил, так что машина очень лёгкая.

– Не выдержит и одного попадания из пушки.

– Она уедет от попадания из пушки, – рассмеялся Павел. – До сих пор мы были рабами аксиомы: поскольку кузель тяжёлый, то и паротяг должен быть тяжёлым. Мы делали их мощными, надёжными, крепкими, а в результате – медлительными. Я пожертвовал всем ради скорости и маневренности и создал новый класс паровых машин. Так что в настоящий момент, Эзра, перед тобой первая в истории Герметикона бронекорда.

– Знаешь, чего у тебя ещё в избытке? – осведомился старик. – Помимо везения?

– Оптимизм?

– Наглость. Никто из тех, кого я знаю, не сообщил бы мне сейчас, что придумал новый класс машин.

– Жаль, что среди твоих друзей так мало амбициозных личностей.

Старик пыхнул трубкой. Гатов обаятельно улыбнулся. Золотая серёжка сверкнула на солнце, а к небу устремился очередной клуб ароматного дыма.

– Зачем может понадобиться корда? – осведомился Эзра.

– Наземная разведка, связь с удалёнными районами, куда не ведут ни обычные, ни железные дороги, а отправлять цеппели слишком дорого и неэффективно, – молниеносно ответил Павел. Чувствовалось, что он плотно обдумывал предназначение своего изобретения. – Я ведь не зря изменил ходовую: корда прекрасно держит бездорожье, способна форсировать небольшие реки...

– Проверял?

– Рассчитал.

– И уверен в своей правоте?

– Всегда.

Задорный ответ не мог не понравиться Кедо.

– Напоминаешь меня в молодости, – заметил он с улыбкой.

– Неужели у меня настолько некрасивый нос?

– Что ты понимаешь в красоте?

Мужчины посмеялись, после чего Эзра негромко и как бы невзначай осведомился:

– Когда собираешься испытывать машину в реальных условиях?

– Нужно дождаться Каронимо. После этого ещё пару дней, не больше. – Павел помолчал и спокойно поинтересовался: – У нас сложности?

Он знал, что рано или поздно обязательно услышит, что нужно бежать, и потому продемонстрировал истинное, а не показное хладнокровие.

– Пока против нас только время, но оно играет без устали, – вздохнул старик. – Уследить за всем и всеми невозможно, и с каждой минутой вероятность случайной или намеренной оговорки возрастает. Тем более что ваши портреты до сих пор ходят по Триберди.

– Я надеялся, что поиск постепенно сойдёт на нет, – тихо произнёс Гатов.

– Тебя будут искать вечно.

– Этого я не учёл.

– Скромность помешала?

Ответить Павел не успел: дверь мастерской со скрипом отворилась и во двор, неуклюже переступив через высокий порог, вышел худощавый черноволосый мужчина в грязноватом, покрытом подозрительными пятнами рабочем халате. Он прищурился на солнце, потом перевёл взгляд на разговаривающих мужчин, поставил на землю ящик, что нёс в руках, снял очки, протёр их, вновь взял ящик и поздоровался:

– Синьор Эзра... Доброе... э-э... утро.

И улыбнулся.

– Доброе утро, Энди. – На «ты» с Кедо был только Гатов, спутники Павла обращались к старику с положенным уважением, и он отвечал им тем же.

– Прогуливаетесь?

– Как всегда по утрам.

– Я тоже сторонник... э-э... соблюдения твёрдого... э-э... распорядка дня, – признался Мерса. – Подъём, работа, завтрак... – Алхимик вопросительно посмотрел на Гатова.

– Я раздобыл нам еды, – ухмыльнулся тот.

– Отлично.

– Над чем работаете? – старик кивнул на ящик.

Вопрос был задан исключительно из вежливости, однако ответ заставил старого Кедо подпрыгнуть, как молодого.

– Бомбы делал, – зевнул алхимик. И небрежно потряхнул ящик: – Нарращиваем боезапас для бронекорды.

– Прямо здесь? – Эзра поперхнулся дымом, вытащил трубку изо рта и грозно посмотрел на Гатова. Тот опустил глаза и развёл руками, мысленно проклиная длинный язык алхимика.

– Прямо здесь, – подтвердил Мерса, ещё не понимая, что влип. – А что такого? И снова потряхнул ящиком.

– Стой!

– Что?

– Просто стой! Не шевелись. – Эзра досчитал до шести и медленно, почти по складам, произнёс: – Разве я не говорил, что бомбы, снаряды и прочие взрывоопасные устройства можно собирать исключительно на глухом юго-западе Помойки? – Кедо поднял ногу, чтобы негодуя топнуть, но вперился взглядом во взрывоопасный ящик и передумал, аккуратно вернул конечность в прежнее положение, передохнул, убедился, что не сотряс поверхность планеты, и продолжил: – Там, где вы, алхимики, никому не сможете помешать!

– Я и тут... э-э... никому не мешал, – растерялся Андреас. – Вы даже не знали... э-э... что я в мастерской. Сидел тихо, как э-э... мышь.

– Где вы не сможете никого убить! – поправился старик.

– Я и не собирался.

- Техника безопасности!
- Мне об этом не говорили.
- Я говорил всем вам! – рявкнул Эзра и, тыча трубкой в алхимика, повторил: – Всем! Из трубки выпал уголёк, и Кедо резко отдернул руку. Андреас перехватил ящик. Внутри что-то звякнуло. Собравшиеся слегка побледнели.
- Всем говорил о технике!
- Не может быть.
- Ты начинаешь врать, как Олли, – меланхолично заметил Павел.
- Правду не врут, правду говорят! – гордо сообщил Мерса. После чего вновь вернулся к старику: – Я действительно ничего такого не слышал, но даю... э-э... слово, что был предельно осторожен. Смотрите сами. – Он сделал пару шагов, вновь перехватил свой груз, заставив Эзру громко выругаться, откинул крышку и наклонил ящик так, чтобы Гатов и Кедо смогли разглядеть десяток выстрелов для среднеразмерного бомбомёта, аккуратно разложенных по выпилённым в размер ячейкам. – У меня всё в полном порядке.
- А чёрные бомбы, на бока которых были небрежно нанесены белые пятна, молчаливо подтвердили: «Всё в полном порядке. Ждём».
- Маркировка такая: алые круги – зажигательные, жёлтые – фугасы, зелёные – газовые. Газовых э-э... мало, потому что нет ингредиентов для толковой отравы...
- А белые?
- Белые – бронебойные.
- То есть в них нитробол? – напряжённо осведомился старик. На его лбу выступили капельки пота.
- Разумеется, – кивнул алхимик. – А что?
- И вы таскаете его просто так? В деревянном ящике?
- Нитробол в бомбах, – попытался объяснить Андреас. – А бомбы – в деревянном ящике...
- В деревянном ящике!
- А как я их должен таскать?
- Нитробол нестабилен! – трагически заявил Эзра. Старик много чего повидал в жизни и именно поэтому относился к этому веществу с таким опасением.
- Которое совершенно не разделял алхимик.
- Мое умение работать с нитроболом общеизвестно, – с лёгкой обидой в голосе поведал Мерса. – Мои бомбы можно носить с собой...
- Ты можешь даже спать с ними в обнимку, – отрезал Кедо. – Но на юго-западе. – И вновь махнул рукой туда, где разрешал своим алхимикам возиться со снарядами. – На Помойке действуют мои правила. И если здесь долбанёт...
- Никогда.
- Несколько секунд Эзра гневно смотрел на взъерошившегося Мерсу, после чего безапелляционным тоном приказал:
- Бомбы немедленно отнести в арсенал! Заберёте, когда будете снаряжать корду. Иначе голову отверну.
- Андреас бросил взгляд на Гатова, тот сделал «глаза», и Мерса послушно ответил:
- Считайте, что уже отнёс.
- Изготовлением бомб заниматься только на юго-западе.
- Э-э...
- Эксперименты с нитроболом только с моего личного разрешения.
- Э-э...
- Только с личного разрешения!
- Эзра, ты пугаешь моего алхимика, – хихикнул Гатов. – Он дар речи потерял.

– Я не экспериментирую, – опомнился Мерса. – Я с ним работаю.

Но его никто не слушал.

– Бомбы он делает с нитроболом! Прямо здесь! Ещё бы в спальню мою притащился со своими смесями! Мальчишка!

Недовольный старик потопал к первой мастерской, Гатов потянулся за свёртком с едой! Андреас же поставил ящик на землю, заложил руки в карманы брюк, но тут же вынул их, вытер о бёдра и принял у Павла бутерброд с ветчиной.

– Мне кажется, или сегодня наш хозяин немного... э-э... нервный?

– Полагаю, Эзру... э-э... немного взволновали десять килограммов нитробола в твоих руках, – в тон другу ответил Гатов. – Меня, признаться, тоже.

Павел знал, что на Андреаса можно положиться, но всё равно нервничал.

– Да. – Мерса прожевал кусок, после чего качнул головой: – Он изначально был немного не в своей тарелке.

– Немного, – ровно отозвался Гатов.

Слово «немного» стало символом их диалога.

– Нас нашли? – осведомился алхимик.

– Эзра полагает, что скоро найдут.

– Значит, прощай, Помойка. – Андреас прикончил бутерброд и потянулся за вторым. – Когда уезжаем?

– Через день-два после возвращения Каронимо.

Глава 2, в которой Бааламестре хвастается, Сада рассматривает товар, Руди получает не то, чего хочет, Холь ставит на зверя, а Энди мешают Олли расслабиться

«Дерьмовая планета, чтоб меня в алкагест окунуло! Самая дерьмовая из всех, что я видел! И мерзость её заключается не в том, что повсюду скачут вооружённые придурки, одержимые желанием грабить, убивать и насиловать, – на границах Герметикона полным-полно диких миров, населённых такими же идиотами. Нет! Главная мерзость Менсалы заключается в том, что ещё тридцать лет назад у этих, с позволения сказать, разумных людей работали заводы и фабрики, они проектировали и строили цеппели, а в их университеты съезжались алчущие знаний студенты со всех окрестных планет, чтоб меня в алкагест окунуло. Понимаете, о чём я? Я – взрослый дядя, мне не надо рассказывать, что войны неизбежны, как смена времен года, я знаю, что это так, но я полностью согласен с Помпилио, который как-то обронил, что «задача войны в том, чтобы уничтожить врага, а не себя». И поэтому Лингийский союз процветает, а менсалийцы уверенно движутся в каменный век. В настоящее время их некогда процветающая планета представляет собой одно большое поле боя, по которому носятся подразделения губернаторских армий, подразделения «неприсоединившихся воинств» и бесчисленные «свободные сотни», являющиеся квинтэссенцией местных дикарей и одновременно – олицетворением охватившего планету безумия. Мобильные свободяне кочуют по провинциям, оставляя за собой след из крови и огня. Иногда они заключают договора, обещая нападать лишь на соседей и получая взамен возможность отсиживаться после набегов, но чаще не заморачивают себе головы ненужными обязательствами, поскольку даже самые могущественные губернаторы не контролируют провинции полностью.

Свободяне не признают никакую власть, не уважают законы, кроме права сильного, и не упускают случая захватить добычу. Впрочем, губернаторские солдаты отличаются от них только тем, что им категорически запрещается бесчинствовать на подвластных территориях.

Безжалостные скоты...

Ну зачем, зачем надо было обстреливать из пулемёта мирный паровинг, который тихонько покачивался на водах лесного озера? Мы ведь даже рыбу не ловили, чтоб меня в алкагест окунуло! Собирались, потому что найденную на борту упаковку галет съели ещё час назад, но не успели.

Вообще нам позарез требовалась карта Менсалы, необязательно подробная – хоть какая-нибудь, – и только поэтому мы остановили тот катер. Вежливо остановили, вежливо выяснили, где находимся, вежливо попросили капитана показать карту... Кто же знал, что нас примут за контрабандистов?

Нет, не смейтесь, на Менсале тоже есть понятие контрабанды. Когда, например, один губернатор запрещает поставлять другому какое-либо вооружение. Или объявляет у себя в провинции тотальный запрет на тяжёлые наркотики, рассчитывая нажиться на «подпольных» поставках. Или блокирует мятежную территорию... В общем, нам элементарно не повезло: мы оказались в зоне, свободной от «левого груза», и вооружённые отморозки, состоящие на службе у местного губернатора (тоже, наверное, отморозка), приняли нас, болтающих с рыбаками путешественников, за отпетых контрабандистов, передающих подельникам запрещённые товары.

И открыли шквальный огонь из пулеметов.

Бывали под огнём? Согласитесь, ощущения так себе. Сейчас я могу позволить себе шутку, но тогда, посреди озера, рискуя или получить пулю, или взорваться, или пойти на дно в продырявленном корыте, мне было страшно до рвоты. И это несмотря на то, что я, говоря без лишней скромности, человек привычный. Во время путешествий на «Пытливом амуше» мне довелось испытать прелести участия в бою, но одно дело – активно защищаться, чувствуя локти верных, а главное опытных в таких делах товарищей, и совсем другое – оказаться под огнём в компании двух «ботаников».

Ну, вы поняли.

К счастью, Гатов успел выхватить из рук капитана карту – на ней до сих пор сохранились пятна от мозгов несчастного – и прыгнуть в паровинг. Мы взлетели – Каронимо, как выяснилось, неплохо управлялся с машиной, однако потеряли первый двигатель. Третий, который наспех залатали, начал сбивать почти сразу после взлёта, но самая большая проблема заключалась в том, что Павел поймал пулю. Перед тем как провалиться в забвенье, он успел указать точку, где мы должны оказаться, и даже название уточнил – Паровая Помойка, но следующие шесть часов стали для нас с Бааламестре настоящим испытанием. Кузель тянет, но двигатели работают неохотно, с перебоями; у Гатова поднялась температура, он начал бредить, три раза открывалось кровотечение, которое нам удавалось остановить, однако кошки-мышки со смертью не могли продолжаться слишком долго. Нам нужен был врач. Нужен был ремонт. Мы с трудом представляли, куда летим, и не знали, какой прием нас ожидает. Мы шли выше облаков – чтобы нас не видели с земли – по компасу, два раза отклонялись от курса и возвращались, проклиная свой идиотизм.

Мы стали похожи на невротиков, но мы долетели.

В получасе от Помойки сдох третий двигатель. Мы потеряли скорость и высоту, а ещё через пятнадцать минут отказал и четвёртый мотор, что стало паровингу приговором. Он слишком тяжёл, чтобы держаться в воздухе на одном движке. К тому же в окрестностях Паровой не нашлось ни достаточно большого озера, ни достаточно широкой реки, поэтому приземление, и без того проходящее в режиме неконтролируемого падения, пришлось осуществить на ближайшее поле. Я сломал два ребра, Каронимо – руку, но по сравнению с паровингом мы отделались лёгким испугом – самолёт восстановлению не подлежал.

Переломанные, окровавленные, растерянные, не знающие, что будет дальше, мы выбрались из-под обломков подобно пережившим кораблекрушение морякам. Мы готовились к худшему, думали, что попадём в лапы местных вояк, а оказались среди друзей: подоспевшие с Помойки ребята помогли нам прийти в себя, пригласили врача, а главное – скрыли следы крушения, представив его своим неудачным экспериментом.

Наверное, такое мог проделать только Эзра.

Мы укрылись во владениях старого курильщика, успокоились, пришли в себя, а через пару недель, когда Павел очнулся, у меня с ним состоялся важный разговор:

«Как ты собираешься возвращаться на Кардонию?»

«Не «как», а «когда», – поправил меня Гатов.

«Я понимаю, что тебе нужно оправиться от ран...»

«Не только, друг мой, не только».

В тот момент я ещё не понимал, насколько глубоко влип. Да, на Кардонии галаниты нас преследовали и похитили, как я считал, чтобы лишить Ушер гениального изобретателя. При этом Павел – в этом я имел возможность убедиться – был настоящим патриотом, и я не сомневался, что он захочет вернуться на родной архипелаг как можно скорее, чтобы помочь в войне...

В общем, я ошибся.

«Учитывая обстоятельства нашего бегства с Кардонии, нас наверняка считают погибшими, – тихо произнёс Павел. – И меня это устраивает».

Сначала мне пришло в голову, что Гатов струсил. Я возмущился. Я открыл рот, собираясь объяснить, что его планы меня не касаются, но Павел едва заметно шевельнул пальцами, показывая, что не следует орать у постели тяжелораненого, и негромко продолжил:

«Речь идёт всего о нескольких месяцах, Олли. Нужно, чтобы улеглись страсти».

«На Кардонии?» – Я всё ещё не понимал, что происходит.

«Кардонии придётся обойтись без меня, – послышался тихий ответ. – Во всяком случае – пока».

Почему он так странно себя ведёт? Он боится?

«Подай весточку Дагомаро, – предложил я. – Винчер сможет обеспечить нам безопасный выезд с Менсалы».

«Нет».

«Если у него не получится, я могу обратиться к Помпилио...»

«Ты не понимаешь...»

«Так объясни!»

Но кричал я напрасно: Гатов уже решил во всём признаться и дополнительного стимула ему не требовалось.

«Я кое-что сделал для Дагомаро, но не хочу, чтобы он воспользовался моим изобретением, – ровно произнёс Павел, глядя мне в глаза. – А он не воспользуется, пока меня нет».

Я помолчал, а затем задал вопрос, ответ на который знал:

«Ты говоришь об оружии?»

Павел тоже выдержал паузу, причём все эти секунды он не отрывал от меня взгляда, после чего криво улыбнулся:

«Ты хотел бы прославиться как изобретатель нового Белого Мора?»

Страшный вопрос подразумевал один-единственный ответ:

«Пожалуй, нет».

«Вот и я не хочу».

Из дневника Оливера А. Мерсы alh.d.

* * *

– Трудно ли было в Шпееве? – повторил вопрос Бааламестре. На секунду притворно задумался, изображая, что размышляет над ответом, после чего рассмеялся и весело сообщил: – Не настолько трудно, как можно было ожидать.

Учитывая, что Каронимо пришлось общаться с заправилами менсалийского преступного мира, собаку – и не только её! – съевшими на обманах и подлости, Гатов позволил себе усомниться:

– Врёшь! – И сделал глоток бедовки.

Ответом стал громкий хохот.

Удачное завершение опаснейшей поездки в сферопорт отмечали крепким: сидя у костра, пустили по кругу бутылку настоящей ушерской «ягодницы», которую Бааламестре привёз из Шпеева. Пили из горлышка, поскольку забыли в мастерской кружки, а сбегать поленились, и без закуски – по той же самой причине.

– Там же э-э... сплошные бандиты, – поддакнул Мерса. Принял у Павла бутылку и приложился к ней, помешкав всего секунду. Никогда, ни разу в жизни, до Менсалы, алхимику не доводилось пить бедовку из горлышка. Впрочем, он и употреблял-то её не часто, предпочитая вино. Однако в последнее время консервативные манеры Андреаса дали настолько серьёзную трещину, что её вполне можно было назвать пробойной, и оставалось лишь надеяться, что они

вернутся. Например, когда алхимик оставит общество людей с академическим образованием и возвратится к цепарям.

– Не бандиты, а самодовольные хлыщи, чтоб меня пинком через колено, – поправил друга Каронимо. – Они отупели от собственного могущества, совершенно потеряли гибкость, и обмануть их оказалось проще, чем бахорца.

– Я э-э... между прочим, бахорец, – чуть обиженно напомнил Мерса.

– После знакомства с тобой я стал по-новому смотреть на эту поговорку.

Алхимик задумался.

На фоне ярких друзей, привлекающих и внешностью, и поведением, Андреас Оливер Мерса выглядел даже не «серой мышью», а «серой невидимкой», делаясь совершенно незаметным, просто шагнув в сторону. Благодаря живости характера Оливер Андреас Мерса получал от окружающих больше внимания, однако ему приходилось прикладывать гигантские усилия для преодоления прирождённой невзрачности.

Худой и очень невысокий алхимик – из-за хилого сложения он казался ниже, чем был на самом деле, – имел почти треугольное, сужающееся к подбородку лицо, пересечённое сверху вниз горным хребтом здорового носа. Слева и справа от преграды лепились бусинки серых глаз, защищённые от мира линзами круглых очков, но взирающие на него, как правило, с печалью. Строгий чёрный костюм – в обычное время Мерса одевался с шиком владельца похоронного бюро – не пережил аварийной посадки паровинга, поэтому на Менсале алхимик вынужденно щеголял в грубых штанах, крепких цепарских башмаках и простецком тельнике некогда белого цвета, поверх которого надевал куртку, рубашку или рабочий халат.

Дешёвое облачение и погрубевшие манеры здорово изменили Андреаса, и теперь вряд ли кто-нибудь узнал бы в нём самого аккуратного студента Гинденбергского университета Герметикона, получившего докторскую степень из рук знаменитого магистра Озборна.

– Обойдёмся без национализма, – предложил Гатов. – На Бахоре, между прочим, такие ловчилы водятся, что тебе, Каронимо, и не снилось.

– Да я разве спорю? – Бааламестре потрепал Мерса по плечу: – Я хотел сказать, что поговорка, как выяснилось, лживая.

– Пожалуюсь Олли, – заявил Андреас, не сумев определить искренность толстяка. – Пусть э-э... он разбирается.

Павел хмыкнул – он знал, что любое недопонимание между Олли и Бааламестре заканчивается дружеской попойкой, – и осведомился:

– Что было дальше? – поскольку Каронимо до сих пор не закончил рассказ, отвлекаясь то на самолюбование, то на бутылку.

– Дальше они решили меня кинуть! – хихикнул Бааламестре. – Это было настолько предсказуемо, что мне даже стало стыдно за Менсалу: в моём представлении местные уголовники должны быть, – он театрально пошевелил пальцами, – умнее, что ли?

– С чего им быть умнее? – не понял Гатов. – Здесь тридцать лет идёт война, кто сильнее – тот и прав.

– Вот они и отупели, – подвёл итог Каронимо. – Приехали в место, которое я указал, не проверили его, не подумали, что я, естественно, подготовился к встрече, попытались отжать имущество, чтоб меня пинком через колено... – Глоток бедовки и короткое «Уф!», за которым последовал весёлый взгляд на Мерсу: – И тут мне здорово пригодились твои бомбы.

– Очень приятно, – мгновенно отозвался алхимик.

– Они действительно оказались классными, вырубил менсалийскую шпану быстрее, чем те поняли, что их грабят...

– Ты всё-таки не удержался, – вздохнул Павел.

Они договаривались, что в случае нападения Бааламестре просто уйдёт, вырубит бандитов и уйдёт, не станет унижать их больше необходимого и уж тем более забирать золото. Учё-

ный готовил честную сделку и по опыту знал, чем может закончиться обман отпетых уголовников.

– Нам нужны деньги, – тут же ответил Каронимо.

– Не таким способом, – качнул головой Гатов.

– Без денег нам Ожерелье не светит.

Там их ждали накопленные за годы работы фонды. Учёная парочка неплохо зарабатывала, однако до золота, что лежало в надёжных адигенских банках, ещё нужно добраться, а на Менсале они оказались без гроша за душой.

Гатов всё понимал, но его смущало другое:

– Теперь придётся скрываться ещё и от бандитов.

– Мы скрываемся от всех.

– Бандиты захотят нашей крови.

– Одним врагом больше, одним меньше... – Бааламестре пожал широкими плечами: – Отобьёмся.

– Полагаю, Павел имел в виду, что нам... э-э... придётся неким образом покинуть Менсалу, – промямлил Мерса. – И в данных обстоятельствах ссора с... э-э... криминальными предпринимателями – не самый хороший выбор.

– Я с ними не ссорился, – отрезал толстяк. – Они хотели меня ограбить и, наверное, убить. Или превратить в раба.

– Для них это в порядке вещей.

– Я тоже не мальчик.

Обычно округлая физиономия Бааламестре лучилась дружелюбием, однако сейчас черты лица затвердели, в глазах появился нехороший блеск, и уже никто не смог бы назвать Каронимо «простодушным фермером» – перед учеными сидел жёсткий, много чего повидавший человек.

– Тебе следовало оставить им образец пулемета, – наставительно произнёс Гатов, на которого смена выражения не произвела особенного впечатления. – Сделать вид, что сделка состоялась.

– Обойдутся.

– Каронимо!

– Павел, я всё понимаю. – Бааламестре сбавил тон, но говорил с прежней уверенностью. – Я поступил жёстко, но мы крупно заработали, а деньги нужны позарез.

– В таком случае объясни Энди, как мы покинем Менсалу, – предложил Гатов.

– Легко, чтоб меня пинком через колено! – Судя по скорости ответа, толстяк готовился к разговору весь обратный путь из сферопорта и заготовил целых два аргумента. – Во-первых, необязательно уходить через Шпеев, это тебе любой астролог скажет. На другие планеты ходят цеппели из всех крупных городов Менсалы...

– И во всех крупных городах есть бандиты, которые охотно окажут услугу оскорблённым шпеевским торговцам, – перебил друга Павел.

Однако сбить Каронимо с мысли не получилось:

– А во-вторых, я что, никогда не переодевался в женщину?

Алхимик вздрогнул, повернулся, пару секунд изумлённо таращился на небритую физиономию Бааламестре, после чего глотнул бедовки и выдал:

– Представляю, какой кошмар получится.

– Ты меня без щетины не видел, – осклабился толстяк, потирая подбородок.

– И хорошо, наверное...

– Тебя не могли выследить? – мрачно поинтересовался Гатов. Он смирился с выходкой друга и занялся прикладными вопросами.

– Когда я уезжал, они все полудохлые валялись, – уточнил Каронимо.

– Я серьёзно.

– Я тоже, чтоб меня пинком через колено. – Бааламестре подобрался. – С места встречи я уехал на мотоциклете, потом избавился от четырёхстволки: разобрал и бросил в Лепру, механизм разбил в труху...

– Хорошо, – негромко одобрил Павел. Он не хотел, чтобы его изобретение оказалось в чужих руках. Бесплатно.

– Потом бросил мотоциклет, пешком добрался до полустанка, который выбрал заранее, и сел в товарняк до Триберди. Дело было в сумерках, так что меня точно никто не видел.

Уверенность, с которой Каронимо описал отступление, произвела впечатление: Гатов кивнул, подтверждая, что ответ ему понравился.

– Хорошо... – И тут же осведомился: – Зачем ты купил пулемёт?

– В подарок Эзре, – ухмыльнулся Бааламестре. – Бронекорда с «Гаттасом» не то же самое, что бронекорда с «Шурхакемом».

Удивительную машину Гатов строил в подарок их спасителю, ведь одно дело презентовать другу обломки паровинга, пусть ценные, но всё же обломки, и совсем другое – работающую машину оригинальной конструкции. Павел не сомневался, что Эзра по достоинству оценит подарок, и старался изо всех сил.

К тому же работа позволяла ему избавиться от скуки.

– Пулемёт я купил тихо. А не купить не мог, потому что ты сам рассказывал о дрянном качестве четырёхстволки.

Оспаривать свои утверждения изобретатель не стал: собранный «на коленке» механизм существенно уступал изготовленному в фабричных условиях, и, несмотря на прекрасную рекламную кампанию, которую Каронимо провёл для менсалийцев, четырёхствольный аналог не шёл ни в какое сравнение с оригиналом.

– Как добыл «Гаттас»?

– Заказал заранее, договорился, что заберу в Триберди и там же расплачусь. Как раз у меня деньги появились.

– И тебя... э-э... не кинули?

– Как можно? – притворно удивился Бааламестре. – Я ведь обратился к властям.

– Ты – что?! – поперхнулся Мерса.

У Павла отвисла челюсть, и толстяк несколько секунд наслаждался произведённым эффектом. После чего с удовольствием объяснился:

– Одновременно со мной в Шпееве находилась военная миссия трибердийцев, забирала очередной эшелон оружия и боеприпасов. Ребята, кстати, на удивление нормальные и адекватные, что для менсалийцев большая редкость. – Каронимо вновь потёр подбородок. – Я с ними пообщался за рюмкой бедовки и договорился, что они возьмут у поставщика на один пулемет больше, чем было заказано, а я заплачу в Триберди.

– И они тебе поверили?

Мерса хлопнул глазами. Гатов же молча взял бутылку и усмехнулся: в отличие от алхимика, Павел знал, что при необходимости Каронимо способен договориться с кем угодно.

– Я предложил очень щедрые условия, – скромно объяснил свой успех толстяк.

– Сколько... э-э... переплатил?

– Втрое.

– Много... – протянул прижимистый Павел.

– Зато получил то, что хотел. А вояки будут держать язык за зубами.

Каронимо усмехнулся и откинул крышку с ящика, показывая друзьям главную добычу: шестиствольный «Гаттас» ушерского производства, надёжнейшую боевую машину с чудовищной огневой мощностью. За пределами Кардонии пулемёт пока появлялся редко: ушерцы отправляли в свою действующую армию почти всё, что успевали произвести, но слухи о чудо-оружии уже поползли, и небольшие партии начали просачиваться в Герметикон.

- Подарочек получится что надо, – пробормотал Мерса.
- «Гатгас», надеюсь, не приведёт к нам. – Гатов сделал большой глоток «ягодницы». –

Но лишние враги...

- Им ещё нужно нас найти.
- Найдут, – вздохнул Гатов. – Время играет против нас.
- Ты говорил с Эзрой? – насторожился толстяк.
- Старик считает, что нам нужно уезжать, – вставил Андреас. – И я с ним... э-э... согласен.

– Теперь, когда у нас появились серьёзные деньги, это уже не проблема: заплатим любому контрабандисту, что уходит из Триберди, и с ним покинем планету. – Каронимо покосился на Павла: – Эзра может рекомендовать приличного контрабандиста?

- Как раз с этим у старика заминка, – вздохнул тот.

– Почему?

– Потому что наши физиономии расклеены по всей Менсале, а местные цепари дорожат отношениями со Шпеевым и не упустят шанса оказать услугу его хозяевам.

Гатов хотел скрывать своё «воскрешение» как можно дольше, в идеале – незаметно добраться до Ожерелья, забрать деньги и смыться так, чтобы никто не узнал о его появлении, но понимал, что идеал недостижим. И сейчас им следовало думать о том, чтобы просто убраться с Менсалы живыми.

- Пусть докладывают кому хотят, мы к этому времени будем уже далеко.

– Эзра говорит, что, узнав нас, контрабандисты не упустят возможности выслужиться перед шпеевскими торговцами, – объяснил Гатов. – Он ждёт капитана, которому безусловно доверяет.

- То есть такой человек у него есть? – прищурился Бааламестре.

– Разумеется.

- И когда он... э-э... появится? – встрял в разговор алхимик.

– Через неделю, может, через две, – ответил Гатов. – А самое главное, Эзра считает, что капитан Хуба согласится не просто вывезти нас с Менсалы, но и доставить в Ожерелье.

* * *

– Ударили по рукам, и теперь никто никому ничего не должен, – закончил историю Биля Граболачик и после завершающего слова облизнул толстые губы. Была у него такая привычка, которая изрядно раздражала собеседников: облизывать губы едва ли не после каждой фразы. То ли в детстве сладкого недоел, то ли хотел, чтобы толстые, похожие на две сырые сосиски губы не теряли влажного блеска, – причина неизвестна, но факт оставался фактом: Биля облизывался. – В общем, Кабан полетел в следующий рейс, да нарвался на один из импакто Лекрийского. А ты ведь знаешь Рубена: он считает независимых перевозчиков конкурентами и уничтожает без раздумий.

- Все губернаторы не терпят независимых, – ровно напомнила Сада Нульчик.

– Ага, – мгновенно согласился Биля. – К счастью, Кабан нарвался на импакто по дороге в Западуру, а не обратно, так что груз не пострадал, и я вывез его через неделю.

История лихого капитана, совершавшего для Били «рейсы задранных юбок» на соседний континент, не особенно увлекла Саду, ей доводилось слышать рассказы интереснее, однако собеседника она не перебивала: помимо склонности к облизыванию Граболачик славился словоохотливостью, которую приходилось терпеть всем клиентам и деловым партнерам.

– В общем, убытков я не потерпел, а заодно лишний раз убедился, что содержать собственный флот, как это делает Лизильчик, чтоб к нему сплошные уродины нанимались, – Биля никогда не забывал послать проклятие конкуренту, – глупость и безумие. Менсалу можно

рассматривать в качестве непредсказуемого лабиринта, где на каждом повороте подстерегают ловушки: договоришься с губернаторами – ограбят свободяне, будешь платить за охрану свободянам – появятся другие отморозки... Такое ощущение, что души местных захвачены демонами Белой Свиглы, столько в них ненависти и зла.

– То есть твоё предприятие процветает, – мягко подытожила Сада.

– Представить не могу, какие мои слова заставили тебя сделать столь странный вывод, – поднял брови Граболачик.

И если бы выражение «хитро облизнулся» имело право на существование, то в следующее мгновение Биля сделал именно так.

– Я верю в твой деловой гений.

Который молчаливо подтверждали резная золочёная мебель, пара картин известного в Ожерелье мастера и перстни с крупными камнями на жирных пальцах Граболачика.

– На самом деле я едва свожу концы с концами, – вздохнул Биля. – Менсала совершенно непригодна для предпринимательства. То есть абсолютно.

И сморщился так, словно вот-вот заплачет, заставив Саду громко рассмеяться: ей нравились нехитрые представления, которые Граболачик для неё разыгрывал. Даже так: она наслаждалась нехитрыми представлениями, поскольку в её обычной жизни юмор присутствовал в минимальных количествах.

– Товар посмотрим?

– Обязательно, – кивнул Биля, поднимаясь на ноги. – Тебе, как всегда, покажу самое лучшее...

И не обманул.

Биля Граболачик заслуженно считался одним из главных на Менсале специалистов по «мирному рекрутингу», что в переводе с пристойного на понятный означало наём и поставку проституток обоёго пола. При этом, несмотря на горячие стенания и нервное облизывание, дела у Биля шли великолепно: даже конкуренты признавали, что хитрый Граболачик «держит» не менее четверти внутреннего оптового рынка «рекрутинга» и является безусловным лидером экспортных операций, отправляя живой товар во все окрестные сферопорты и даже на Галану, где высоко ценились робкие, но работающие, а главное – приученные к беспрекословному подчинению менсалийки.

И ещё Биля очень обижался, когда его называли работорговцем, упирая на то, что человеколюбиво спасает несчастных клиентов от ужасов менсалийской бойни. Формулировка имела значение, поскольку, как все осевшие в Шпееве галаниты, Биля планировал вернуться на родину и заботился хотя бы о видимости репутации.

С другой стороны, он был не так уж и не прав: возможность вырваться с пылающей планеты привлекала в цепкие объятия Граболачика несметное число молоденьких западур. На добровольных, абсолютно добровольных началах.

– Ты даже представить не можешь, насколько они тупы, – хохотал Биля, рассказывая только прибывшей на планету Саде кое-какие местные правила. Встреча случилась несколько лет назад, но Сада помнила рассказы Граболачика слово в слово. – Давным-давно кто-то из наших пустил слух, что в другие миры мы поставляем только опытных и умелых, чтобы не тратить лишние силы и средства на подготовку. И теперь эти идиотки с самого найма пытаются продемонстрировать умение в сексе. Кидаются на всех без разбора: на менеджеров, офицеров, охранников, даже палубных – кто попался, с тем и спят. Готовы отдаться где угодно, лишь бы их отметили и запомнили. Собственно, из-за этих шлюх рейсы и получили своё название «задранные юбки».

– Я слышала другое. – Друзья из военных поведали Саде, что в качестве премии перевозчики имели право насиловать «товар» всю дорогу до Шпеева.

– Те, кто идёт в первый раз, случается, балуют, – не стал скрывать Граболачик. – Но потом охоту отбивает напрочь, если кто и развлекается, то только с теми тёлками, которые сами набрасываются. – Работорговец помолчал, облизнулся и хихикнул: – А самое смешное, что в действительности никто не знает, какая дура куда отправится, и никто не может на это повлиять. Как правило, лучших действительно отправляем на экспорт, но иногда губернаторы специально требуют отборный товар для офицерских борделей, и тогда самые красивые и умелые девочки из партии навсегда зависают на Менсале...

– Ты говоришь о них настолько уничижительно, что непонятно, за что же их покупают.

– За мясо, – пожал плечами Биля. – Менсалийки, особенно западуры, весьма красивы и умеют сохранять красоту, даже в тридцать пять ухитряются выглядеть на двадцать, то есть их можно долго использовать по прямому назначению.

– Теперь понятно.

– Но мясо приедается, – продолжил Граболачик. – Вот я охотно переспал бы с тобой.

Сада покраснела. Она не была девочкой и даже девушкой, но от неожиданности смутилась, подобно наивной курсистке.

Предложение застало её врасплох.

Дело в том, что Сада, выражаясь предельно мягко и дипломатично, красотой не блистала. Волосы отвратительного прогорклого цвета – из-за него женщина начала краситься с семнадцати лет – были тонкими и редкими. Длинными не росли, и потому мечтающая о роскошных прядях Сада всю жизнь проходила с жалким каре. Нос и губы были довольно крупными, а странно-жёлтые глаза, напротив, получились чересчур маленькими. Из вежливости их можно было назвать пуговками, а со зла – поросычьими. А завершала картину ямочка на подбородке, которую Сада ненавидела так, как может ненавидеть взрослая, уверенная в себе женщина с несложившейся личной жизнью, – смертельно. Ямочка бесила Саду даже больше плоской, невзрачной груди.

Гордилась же она красивыми руками, длинными, красивыми ногами и элегантной талией.

Сада знала, что не вызывает у мужчин желания, свыклась с этой мыслью и потому смутилась под более чем откровенным взглядом Били. С трудом подавила накатившую злобу и с ещё большим трудом поняла, что Граболачик не шутит и не издевается.

– Ты не представляешь, как я устал от мяса. Как раздражают тупые тёлки, достоинства которых ограничиваются размерами вымени. Я скучаю по настоящим женщинам – по галаниткам. Потому что только они имеют право называться женщинами...

– Переспи с женой.

– Моя бывшая живёт на родине вместе с детьми.

– Не хочешь рискнуть семьёй? – брякнула Нульчик. – Одобряю: Менсала и в самом деле зловонная дыра.

– Работа вошла в противоречие с семейными ценностями, – криво усмехнулся Биля. – У меня очень насыщенная личная жизнь, что сильно бесило бывшую.

В тот день ошарашенная Сада Граболачику отказала, но предложение запомнила и вскоре им воспользовалась. И не пожалела, потому что Биля, несмотря на невзрачную внешность, оказался превосходным любовником...

Тем временем они подошли к тщательно охраняемой зоне «гарема», и Граболачик широким жестом распахнул дверь:

– Прошу!

У женщины раздулись ноздри.

Она прекрасно знала устройство «гарема», все-таки посещала его не в первый раз, но поскольку «рекруты» постоянно обновлялись, каждый приезд казался Саде первым, вызывал и волнение, и предвкушение.

– Рейс пришел вчера, так что ты, моя радость, снимаешь самые сливки.

- Биля, я тебя люблю.
- Поужинаем сегодня?
- С удовольствием.
- Я припас кое-что специальное...
- Шалун...

Гарем начинался с «главной витрины»: с большой, дорого обставленной комнаты, в которой коротали дни самые красивые и самые умелые девушки и юноши, профессионалы, прошедшие обучение в «Школе любви Граболовачика», способные украсить любое заведение Гермеконна. Пышные западуры, изящные беляшки, иногда – наоборот... Тут же мальчишки, которым никогда не стать воинами, женоподобные, охотно использующие косметику, и мускулистые, крепкие, на чьих губах тоже виднелась помада. Спрос на подготовленных профессионалов оставался стабильно высоким, однако Саду они не интересовали: для особых игр она предпочитала не умение, а искренние чувства.

И потому, проходя мимо главной витрины и бросая на ослепительное мясо цепкие взгляды, Нульчик решила поговорить о делах:

- Твоя наводка снова оказалась ложной.
- Тебе всё равно надо было лететь в Глюрде, – хихикнул Биля. – Сама говорила.
- Но ты подарил мне надежду.
- Это моя работа, мой талант.

Граболовачик располагал большой сетью друзей и деловых партнёров по всей Менсале, его «рекруты» трудились во множестве заведений, начиная от солдатских борделей и заканчивая роскошными домами для знати, к Биле стекались сплетни и слухи со всего континента, и именно поэтому Сада попросила его о помощи. Однако до сих пор результата не было.

- В Глюрде не оказалось людей, которых я ищу, – прохладно повторила Сада.
- Учитывая, сколько делятся поиски, возможно, их уже нет на планете.
- Возможно, – вздохнула Нульчик. – Но приказ никто не отменял.
- А ты честно следуешь уставу от «А» до «Я»? – облизнулся Граболовачик.

Знай он, кто приказал Саде заняться поисками Гатова, наверняка перестал бы иронизировать. Но Арбедалочик особенно указал, что его имя не должно упоминаться, и потому ей приходилось играть честного офицера.

– Я должна их найти, – угрюмо ответила Нульчик. И тут же попросила: – Пусть эта девка поднимется.

За разговорами они преодолели «главную витрину», «склад», где Биля хранил необученных и не особенно красивых рекрутов, и ступили в «загон», в котором помещался свежий, только что с рейса, товар. Неопытный. Ещё не знающий, что людей может возбуждать не только мясо.

- Встать! – жёстко велел Граболовачик.

Выбранная Садой западура была хорошо развита, привлекательна и вела себя с традиционной развязностью, которой сошедшие с рейса рекруты прикрывали нервозность. На первый взгляд она ничем не отличалась от товаров, однако опытная Нульчик сумела разглядеть нужные черты характера. В первую очередь – слабость.

- Задери юбку!

Девушка подчинилась почти сразу, но секундное замешательство окончательно убедило Нульчик в том, что она не ошиблась с выбором.

- Хорошо.
- Я знал, что эта девка тебе приглянется, – хмыкнул Биля.
- Читаешь мысли?
- Знаю твой вкус. – И тут же, без перехода, сообщил: – Мне сказали, что в Триберди появились странные люди.

– Чем странные? – Нульчик жестом показала охранникам, чтобы они отвели выбранную девушку в сторону, и продолжила изучать товар. Товар смотрел на неё с опаской.

– Инопланетники.

– Инопланетники в провинциях не редкость. Почему на тех людей обратили внимание?

– Они механики. Работают у Эзры Кедо.

– К нему часто приезжают инопланетники... Когда появились эти?

– Два месяца назад.

– Не подходит.

– Возможно, они прятались, – предположил Граболачик. – Обрати внимание на беляшку в левом углу, моя радость. Даю слово, она тебе понравится.

Нульчик обернулась и, словно передразнивая Билю, облизнулась.

Указанная торговцем девушка вздрогнула и попыталась стать невидимой. Но не получилось.

– Твои люди описали инопланетников? Они похожи на фотографии, которые мы рассылали?

– Я просто узнал о том, что у старого Кедо неожиданно появились три новых помощника, – уточнил Граболачик. – Одна из девочек подслушала разговор о них, но ребята Кедо, ты уж извини, новых знакомцев не описывали, только обсуждали, а сами инопланетники в заведении не появлялись.

– То есть твои «странные люди» похожи на разыскиваемых только тем, что их трое?

Биля развел руками:

– Я передал то, что услышал.

Как было и все прошлые разы.

Несмотря на обилие источников информации, результата пока не было, и Нульчик начала сомневаться в способности Граболачика вывести её на след. С другой стороны, остальные знакомые Сады – оружейники и наркобароны – тоже ничего не нашли.

Проклятый Гатов как сквозь землю провалился.

– Я возьму обеих, – решила Нульчик, глядя на задрожавшую беляшку. – Так веселее.

– Согласен, моя радость, согласен, – пробубнил Биля. – Но сегодня...

– Сегодня мы ужинаем, я помню. – Сада нежно провела рукой по щеке торговца. – Пусть их доставят ко мне завтра.

– Договорились, – обрадовался Граболачик.

Она знала, что нравится Биле, хихикала над ним, как девчонка, но при этом признавалась себе, что внимание Граболачика повышает её самооценку. Ведь на свете появился человек, для которого она, страшенькая женщина с жёлтыми глазами-пуговками, была желанной...

– Ты слышал, что в Шпеев прилетел Руди Йорчик?

– Слишком большой человек, чтобы прозевать его визит, – кивнул Биля. – Но мы не знакомы и не ведём дел.

– Жаль...

– Почему он тебя интересует?

– Замуж хочу.

– Йорчик для тебя слабоват, – рассмеялся Граболачик. – К тому же он пьяница.

– Знаю, – махнула рукой Сада. – Я всё о нём знаю.

О Йорчике её предупредил Арбедалочик. Сказал, что до сих пор не ясна роль Руди в побеге Гатова и что, возможно, промышленник решится на собственную игру. Тогда Сада не очень поверила Абедалофу: трудно представить, чтобы взрослый и успешный галанит решил пойти против Компании, однако Йорчик зачастил на Менсалу, и каждое его появление Нульчик старалась не оставлять без внимания.

– Биля, будь добр, отправь своих людей следить за Руди. Мне нужно знать, что он делает и что собирается делать.

– Хорошо.

* * *

Пекарня Ли далеко не всегда была самым большим районом Шпеева, и для того, чтобы это понять, не требовалась докторская степень по истории Менсалы, хватало элементарной логики и спокойного, внимательного взгляда: центр сферопорта застраивался в стиле «буаре» и даже сейчас не потерял элегантного шарма, а на окраинах дома лепили как придётся, без единого плана и соблюдения каких-либо норм. Кривоватые четырёх-пятиэтажные строения жались друг к другу, словно встретившиеся на узкой улочке пьяницы, и даже внешне соответствовали званию опасного района. Когда-то единственного опасного в городе.

В прежние, цветущие времена владения Омута не превышали «обычных», если можно так выразиться, размеров для сферопорта, занимая примерно десятую его часть, контрабандисты таились по тёмным углам, а по числу убийств на душу населения Шпеев вплотную приближался к мизерным показателям сферопортов Ожерелья.

Когда-то...

Но с началом войны всё, естественно, изменилось.

Приличные торговцы Менсалу покинули, остались лишь те, кто готов серьёзно рисковать ради гигантских прибылей, конкурентная борьба стала невыносима без насилия, и Пекарня разрослась, подмяв под себя почти все остальные районы города. Теперь теневые дельцы обитали в центре, занимали большие красивые здания, разгуливали по широким улицам и безбрежным площадям, некогда построенным для людей, и совершенно не стеснялись рекламировать род своих занятий. А некоторые даже обряжали подчинённых боевиков в оригинальную форму, дерзко демонстрируя окружающим силу и мощь.

Но Уру Клячик к таковым не относился.

И вовсе не из-за того, что не обладал достаточным влиянием, как раз обладал, а потому, что с детства усвоил, что по-настоящему серьёзные дела творятся в тишине, и недолюбливал свойственную некоторым коллегам нахрапистую показуху. Боевики Клячика щеголяли в штатском, его имя не выводилось золотом на кричащих вывесках, его костюмы отличала скромность, а сам Уру оставался единственным ветераном менсалийского Омута, сохранившим верность старому району. Клячик отказался переезжать в центр, зато выкупил соседние здания – теперь Уру владел целым кварталом – и остался на тех же улицах, где когда-то начинал с нуля, завистливо глядя на «поднявшихся» торговцев и мечтая о том, чтобы каждый день есть досыта.

Мечты сбылись, Уру поднялся, и из трёх огромных окон его кабинета открывался великолепный вид на причальное поле сферопорта.

– Знаете, что это за судно? – осведомился торговец, не отрывая взгляда от медленно снижающегося цеппеля, невиданного, совершенно запредельного размера.

Удав и Закорючка, два здоровяка, вошедших в кабинет всемогущего Клячика минуты три назад и с тех пор благоговейно изучавших хозяйскую спину, быстро переглянулись, вспомнили, что Уру обожает читать лекции, и хором выдали:

– Нет, – дав, таким образом, единственно правильный ответ из скудного списка возможных.

– Перед вами, олухи, галанитское грузовое судно модели «Гигант», особого класса «суперкамион», – ровно произнёс Уру. До цеппеля было не менее лиги, но выглядел он настолько внушительно, что, казалось, обшивку «сигары» можно потрогать рукой. – Это самые большие перевозчики Герметикона, только они в состоянии взять на борт два тяжёлых броне-

тяга. – Клячик вздохнул: – Венец инженерной мысли, наглядная демонстрация величия человеческого гения.

«Суперкамион» аккуратно опустил на землю грузовую платформу, и портовые принялись торопливо вскрывать захваты, освобождая судно от тяжкой ноши. Массивный груз скрывался под брезентом, но, судя по очертаниям, цеппель доставил на Менсалу уже упомянутые бронетяги.

– Это галанитские «Джабрасы», я поставляю их губернатору Хальдисскому, – негромко произнёс Уру, подтверждая догадку боевиков. – Десять штук. Четыре уже доставлены, два вы видите перед собой, остальные придут в Шпеев до конца недели, и я отправлю их эшелонами в Хальдису. Это очень дорогой контракт. – Клячик обернулся и тяжело посмотрел на боевиков: – Почему Компания не договорилась с губернатором напрямую?

– Мы не знаем, – ответил за обоих Удав.

– Потому что мне Компания верит, а Хальдисскому – нет, – веско объяснил Уру. – Именно поэтому в Шпееве нет фактории Компании: мы, независимые торговцы, в состоянии обеспечивать её интересы наилучшим образом. Ясно?

– Да, господин.

– Вы поняли, что стоит во главе угла?

– Доверие, – выдавил Закорючка, съёживаясь под жёстким взглядом хозяина.

– Именно. – Клячик вновь отвернулся. Помолчал, глядя, как портовые притягивают извлеченный от грузовой платформы «суперкамион» к земле, после чего продолжил: – Я с детства восхищаюсь огромными цеппелями. Помню, специально пробирался на причальное поле, чтобы их увидеть, мечтал стать цеппарем... Но всё обернулось по-другому.

Обернувшись так, что цепари, коими торговец некогда восхищался, теперь на него работали. И вряд ли это обстоятельство тяготило Уру.

Потрясающий вид был единственным достоинством помещения, во всём остальном его убранство напоминало скучнейшее логово какого-нибудь бухгалтера, обременённого долгами и семьёй, а не главный офис одного из могущественнейших обитателей Шпеева. Письменный стол и многочисленные полки завалены бумагами, пакетами с бумагами и папками с бумагами. Дешёвый чернильный набор на дешёвом столе, рядом замызганные счёты, а по правую руку – большая фарфоровая кружка, из которой Уру любил пить чай. Ничего лишнего, ничего роскошного, никаких сувениров, никаких украшений, если не считать таковыми простецкие конторские часы на стене.

Работая в кабинете, Клячик обязательно снимал пиджак и надевал сшитые из тёмной ткани налокотники, окончательно становясь похожим на мелкого клерка, но Удав и Закорючка прекрасно знали истинное лицо стоящего у распахнутого окна «бухгалтера», а потому почтительно внимали каждому слову. И боялись пошевелиться, потому что не получили на это разрешения.

Уру вернулся в кресло, сложил перед собой руки, став похожим то ли на престарелого ученика, то ли на слишком дисциплинированного учителя, и наконец-то перешёл к делу:

– Как вы знаете, недавно меня... кинули. – Клячик не сумел выговорить унижительную фразу без запинки. – Я потерял сто цехинов. Мизерную сумму, учитывая мои обороты, но я никому не позволяю себя обманывать.

– Мы понимаем.

– Вы – что?

Удав, который осмелился подать голос, едва язык не проглотил от страха. Он хотел сказать, что Шпеев прекрасно помнит поучительную и страшную историю бахорского прохвоста Люсгера, попытавшегося нагреть Уру на тысячу золотых, но теперь с ужасом сообразил, что его мнения никто не спрашивал.

– Твоё дело – слушать, – жёстко произнёс Клячик, не мигая глядя на побелевшего боевика. – Если я захочу услышать твой голос, я прикажу тебе его подать. Понятно?

Удав молча кивнул.

– Молодец, – одобрил Уру. Поправил налокотник и продолжил: – Как я и предположил, после нашей... э-э... встречи Бельгердейн в Шпеев не вернулся, уехал. Возможно... покинул планету.

На последней фразе торговец снова сбился: его приводила в бешенство мысль, что подлый обманщик сумеет избежать наказания.

– Но пока есть надежда, что Бельгердейн на Менсале, я буду его искать. И вы тоже.

Боевики покивали бритыми черепами. Они знали, что за последние дни Уру разослал по провинциям с десятков посланников, и поняли, что настала их очередь.

– В те же самые дни, когда в Шпееве появился наш шустрый друг, здесь находилась военная миссия трибердийцев, принимали целый эшелон железа... – Уру похлопал по одной из лежащих на столе папок. – В последний момент трибердийцы запросили на один «Гаттас» больше, чем было в изначальной спецификации, и получили его, поскольку у нас был резерв. Тогда я не обратил на это внимания, но сегодня узнал, что в армию губернатора поступило именно то количество пулеметов, которое было заказано изначальное. – Пауза. – У меня украли деньги – кто-то купил очень дорогое оружие. Улавливаете связь?

Боевики сделали понимающие глаза.

– Можете говорить, – милостиво разрешил Клячик.

– Бельгердейн ухитрился оплатить ваше оружие вашими же деньгами? – выдал сообразительный Закорючка.

– Это первое, что приходит в голову, – согласился Уру.

– Отчаянный парень, – поспешил вклиниться в разговор Удав. – Небось из какой-нибудь «свободной сотни».

– Откуда среди свободян взяться умнику? – качнул головой Закорючка.

– На месте узнаете, – обрезал разговор Клячик. – Отправляйтесь в Триберди и всё выясните. Понятно?

– Да.

– Вон!

Кабинет недаром походил на «уголок главбуха»: пунктуальный и педантичный Уру тщательно следил за временем и не тратил его попусту. Выпроводив боевиков, он тридцать секунд сидел в кресле, не шевелясь и бездумно глядя прямо перед собой, затем поднялся и, на ходу надевая на лицо маску ослепительного дружелюбия, распахнул объятия одновременно с распахнувшейся дверью:

– Дорогой друг! Рад! Искренне рад!

– Взаимно, Уру, взаимно. – Руди Йорчик прекрасно понимал, что представляет из себя Клячик, знал цену «искренности», однако на «радушие» привычно ответил мастерски сыгранным «дружелюбием».

– Давно не виделись, Руди.

– Всего два месяца.

– Зачастил ты к нам, – с улыбочкой заметил Уру.

– Серьёзные дела требуют личного присутствия.

– Да, да, да...

В дальнем конце кабинета Клячик обустроил некое подобие переговорной: пара неудобных кресел, журнальный столик и даже коробка с сигарами, несмотря на то что Уру не курил и терпеть не мог табачного дыма. Разумеется, особенно сложные переговоры с особенно дорогими партнёрами Уру проводил в специально оборудованных местах, роскошь обстановки которых могла поразить даже адигенов, но закуток в кабинете был особенным, приём здесь

считался у Клячика показателем наивысшей заинтересованности в собеседнике, и Руди об этом знал.

– Хочу сказать, дорогой друг, что твои образцы прекрасно заменили кардонийское оружие, – мягко начал Уру. – Мои клиенты дали ему высокую оценку.

– Иначе и быть не могло, – самодовольно отозвался Руди.

Клячик добродушно кивнул и лично наполнил бокалы красным вином.

Оружие Йорчика качеством почти не уступало продукции ушерских корпораций, но из-за двух лишних межпланетных переходов оказывалось дороже. Менсалийцы платили: собственная промышленность у них отсутствовала, приходилось брать что дают, но Клячик хотел повысить прибыль и требовал у Руди скидку. Йорчик согласился, при этом пообещал сбросить десять процентов вместо просимых семи и даже был готов пересчитать по новой цене все поставки по отнятым у кардонийцев контрактам, включая уже состоявшиеся, но при одном условии: Уру должен найти Гатова.

Услышав предложение, Клячик согласился не раздумывая: не сомневался, что при его связях отыскать застрявшего на Менсале инопланетника окажется плёвым, не требующим особых усилий делом, однако сейчас, семь месяцев спустя, торговец был вынужден признать унижительное поражение.

– Оружие хорошее, но цена на него слишком высока, – вздохнул Уру. – У тебя много серьёзных конкурентов, дорогой друг.

– Значит ли это, что ты до сих пор не напал на след Гатова? – осведомился Руди. Сделал маленький глоток вина, помолчал и добавил: – Дорогой друг.

Он понял, куда клонит собеседник.

– Не могло получиться так, что Гатов покинул планету?

– Ты мне скажи. – На этот раз выдержанная Йорчиком пауза оказалась весьма и весьма многозначительной. Пауза выражала серьёзные сомнения в якобы безграничных возможностях Клячика. – Ты говорил, что контролируешь всех контрабандистов.

– Я говорил, что моё слово много значит для них, – уточнил Уру.

– И теперь думаешь, что кто-то тебя обманул?

– Э-э... – Клячик догадывался, что разговор получится унижительным, но не думал, что до такой степени. Он чувствовал себя подвергающимся публичной порке мальчишкой и с трудом сдерживал накатившее бешенство. – Такое... э-э... возможно.

– То есть я зря на тебя положился, дорогой друг?

– Мы говорим о целой планете, дорогой друг, её невозможно «закрыть» так, чтобы мышь не проскользнула.

– Три приметных человека – не одна маленькая мышь, – недовольно произнёс Йорчик. – К тому же ты утверждал, что ни один контрабандист или честный цеповод не посмеет взять на борт людей, которых ты ищешь.

– Да, да, да...

Но самое неприятное заключалось в том, что ловкач, награвший авторитетных шпеевских торговцев на четыреста цехинов, великолепно подходил под описание дружка Гатова. Во время переговоров торговец, к своему стыду, упустил это из виду, но потом, обдумывая позорно проваленную встречу, осознал допущенную ошибку. И это понимание не поднимало Уру настроения.

– Поверь, дорогой друг, я делаю всё, что в моих силах.

– Я верю, – смягчился Йорчик. – Но мне нужен результат.

– А мне – мои деньги.

– Дай мне Гатова и получишь всё, что захочешь.

Примерно так же говорила Сада Нульчик, скромный медикус бесплатного госпиталя и по совместительству – резидент могущественного Департамента секретных исследований Компа-

нии. Сада тоже искала Готова, и Клячик понимал, что придётся оказать услугу ей, а не Руди, сделав правильный выбор между получением дополнительной прибыли и ссорой с Компанией. При этом сообщать Саде о ловкаче-«каатианце» Уру тоже не собирался: во-первых, потому, что услуга должна быть оказана лично: отдать Готова Компании совсем не то же самое, что невнятно указать приблизительное местонахождение его друга; а во-вторых, чтобы лишний раз не рассказывать о своём позоре.

Появившегося же в Шпееве Йорчика следовало убрать подальше, и просьба старого друга из Лекровотска оказалась как нельзя кстати.

– Руди, результата у меня нет, но одну хорошую новость я припас, – мягко произнёс Клячик, доливая в бокалы вино.

– Какую?

– Тебя хочет видеть очень важный на Менсале человек. Его представитель специально прилетел для разговора с тобой, а значит, предложение может оказаться необычайно интересным.

– О ком ты говоришь? – поморщился Руди. Ему категорически не хотелось напрямую вести дела с местными отбросами.

– Я говорю о Рубене Лекрийском. – Уру сопроводил ответ предельно серьёзным взглядом, подчеркивая необычайную важность сообщения. – А к такому человеку, как ты, Рубен без веской причины не обратится. Он знает правила и наверняка припас что-то очень любопытное.

Многочисленные тон, который Клячик приберегал для самых важных переговоров, а также упоминание действительно серьёзного имени подействовали: Йорчик большим глотком опустошил почти половину бокала, помолчал и неуверенно протянул:

– То есть ты советуешь?

– Категорически рекомендую.

– Ну, раз так...

* * *

«Если вы по каким-то причинам подумали, что дело в элементарном везении, что мы, неожиданно оказавшись на воюющей планете, летели-летели и, к радости своей, встретили щедрых и доброжелательных людей, которые только и ждали визита трёх беглых инопланетников, то вы несколько ошибаетесь.

Всё не так однозначно.

Однако я, к своему стыду, догадался об этом не сразу, и даже настойчивое желание Павла кровь из носу раздобыть карту, а затем его указание лететь в конкретное место не навело меня на мысль, что Гатов рассчитывает встретить друзей. С другой стороны, не будем забывать следующее – я только что преодолел Пустоту самоубийственным способом, потом чинил двигатели, потом оказался под пулёмётным огнём, потом останавливал кровь, спасая умирающего друга... В общем, я не стыжусь признать, что находился немного не в своей тарелке, и сообразительность ненадолго меня оставила.

Догадка почти пришла перед снижением, но улетучилась, поскольку всё то время, пока Каронимо пытался максимально мягко совместить наш несчастный паровинг с деревенским полем, я оберегал пребывающего без сознания Павла. Потом меня извлекали из-под обломков, приводили в чувство, спрашивали, что я тут делаю, ощупывали, сообщали о переломах, и лишь после этого я впервые увидел Эзру Кедо. В смысле, может быть, он появился раньше, но я вернулся в реальность лишь после перевязки.

Я сидел на земле, совершенно равнодушный к царящей вокруг суете, затем поднял глаза и столкнулся взглядом со стариком, что остановился рядом с Павлом. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, затем он указал рукой на носилки и тихо спросил:

«Гатов?»

«Откуда вы знаете?» – растерялся я.

Это было первое чувство, которое я испытал после ужаса нашего «приземления». Удивление. Возможно, именно оно окончательно вернуло меня в реальность.

«Откуда вы знаете?»

В ответ я получил широкую улыбку и короткое объяснение:

«Я много путешествовал».

Возможно, так оно и было, поскольку некоторые черты Эзры наводили на мысль о том, что он – инопланетник.

Судите сами. Подобно многим инженерам и механикам, Кедо почти всегда появлялся на людях в удобном, не стесняющем движений комбинезоне с многочисленными карманами. Издалека облачение старика виделось обыкновенным, однако качество ткани и элегантные кожаные вставки наводили понимающих людей на мысль, что «простецкую рабочую» одежду скроил хороший портной по индивидуальному заказу. Но ещё большей странностью казалась чёрная круглая шапочка-валярка, которую Эзра, не снимая, носил на затылке. На Менсале экзотический головной убор выглядел забавной стариковской причудой, но только в силу того, что местные плохо разбирались в академической моде: на Герметиконе и планетах Ожерелья валярки носила профессура.

Как видите, уже в одежде старый Кедо был приметен для опытного глаза.

Лицо же его было чуточку вытянутым, что, как я узнал впоследствии, характерно для жителей северной части главного менсалийского континента, и привлекало внимание пыльными, совершенно седыми усами, за которыми Эзра ухаживал с маниакальной тщательностью.

Хотя нет, пожалуй, я ошибся. Усы, конечно же, бросались в глаза, но взгляд на старике задерживался не из-за них, а благодаря всегда приветливому и доброжелательному выражению лица – совершенно невозможному на Менсале. Кедо часто улыбался, смеялся, даже ругань заканчивал весёлым советом или пожеланием и буквально излучал оптимизм. Именно поэтому больше походил не на менсалийца, а на жизнерадостного выходца с Анданы.

«Павел мечтал о встрече с вами, но сейчас он немного не в форме, – сообщил подошедший Каронимо. Лицо его было перепачкано грязью и поцарапано в нескольких местах, одежда порвана, на руке красовалась наспех наложенная шина, но говорил Каронимо так, словно прибыл на прием к дару. Честное слово: ни до, ни после я не слышал в голосе Бааламестре столько почтительности. – Нам нужна помощь».

«Я вижу».

«Не только медицинская».

«Вас ищут?»

«Да».

А вот этого я точно не ожидал: открыться незнакомому человеку? Сразу выложить наш главный секрет? Разве можно доверять обитателям планеты, которые сначала стреляют, а потом интересуются... а во многих случаях даже не интересуются, в кого они стреляли?

Скандалный Олли не появлялся, в голове у меня гудело, и только поэтому, наверное, я не вспыхнул и не влез в разговор с дурацкими упреками.

«Вас ищут, и вы прилетели прятаться? – Эзра даже не пытался скрыть удивление. – Сюда?»

«Мы случайно оказались на Менсале».

«Перепутали цеппели?»

«У нас не было цеппеля. Мы прошли переход на этом».

Бааламестре указал на останки паровинга, на нашу погибшую птицу. Отвалившаяся хвостовая часть продолжала гореть – я так и не узнал, почему там вспыхнула внутренняя обшивка, – обломки поплавков, крыла и двигателей четко указывали путь по полю, но фюзеляж пострадал меньше, чем можно было ожидать, продемонстрировав высочайшее мастерство ушерских самолетостроителей. Только благодаря крепости фюзеляжа нас не размазало по менсалийской травке.

«Как вы ухитрились втиснуть в него астринг?» – удивился Эзра.

Однако в следующий миг удивление сменилось искренним и, как потом выяснилось, давным-давно позабытым чувством глубокого изумления, плавно переходящего в оторопь.

«Астринга нет, – как ничего не значащий и само собой разумеющийся факт сообщил Бааламестре. – Мы воспользовались чужим переходом».

У Кедо отвалилась челюсть. Старик выглядел настолько комично, что если бы я не испытывал боль от переломов и нервозность от неопределённости, то обязательно расхохотался бы в голос.

«Зачем вы это сделали?»

«За нами гнались, – коротко ответил Каронимо. – Подробности обязательно последуют».

«Занятный эксперимент».

«Полностью с вами согласен».

Эзра пососал трубку – он на удивление быстро пришел в себя, – после чего буркнул:

«Ты – Бааламестре».

«К вашим услугам», – поклонился Каронимо.

«А это что за фрукт?» – Взгляд остановился на мне.

«Андреас Оливер Мерса, – поспешил с представлением Каронимо. – Замечательный алхимик и друг. Хороший человек».

«Ладно, – вздохнул Кедо. – Отдыхайте».

И мы четыре месяца «отдыхали», стараясь вести себя тише воды и ниже травы. Эзра определил нам пристанище в настолько дальнем хуторе, что туда даже дожди не всегда доходили, не говоря уж о людях, и это расположение в какой-то мере гарантировало сохранение тайны.

Мы лечились сами, лечили Гатова – с помощью изредка приезжающего врача, – разговаривали о науке и спорили о ней же. А ещё – разговаривали и спорили обо всём на свете. И знаете, что я вам скажу? Эти пять месяцев полной тишины и покоя, да ещё в компании с гениальными изобретателями, стали для меня счастливейшим временем в жизни.

Вот так.

Счастливейшим временем.

Перечитал и понял, что не успел сказать самого главного.

Когда старик велел нам «отдыхать» и, пыхая трубкой, отправился изучать то, что осталось от паровинга, я повернулся к Бааламестре и с чувством осведомился о причинах его необыкновенной словоохотливости.

«Глупо врать тому, кто может помочь», – философски ответил Каронимо.

«Вы знакомы?»

«Ты разве не понял, что нет?»

«Но Эзра узнал и Павла, и тебя».

«Наши физиономии достаточно известны тем, кто хоть чуть-чуть интересуется наукой», – проворчал Каронимо.

«Владелец помойки интересуется наукой?» – глупо спросил я.

А в следующий миг меня поставили на место.

«Во-первых, не владелец помойки, а владелец Помойки, – уточнил Бааламестре. – А во-вторых, его настоящее имя – Эзгария Мария Дарам Калик-Кедович, он действительный член Академии наук Верзи, почётный профессор Лавентальского университета Герметикона и автор учебника, по которому мы с Павлом когда-то учились».

*Из дневника Андреаса О. Мерсы *alh.d.**

* * *

– С Хансеи? – Судя по прозвучавшему в голосе женщины удивлению, Хансея для неё являлась синонимом настолько далёкого мира, что сам факт его существования вызывал серьёзные сомнения.

– Мне его подарила замечательная девушка. – При взгляде на красно-жёлтый браслет по губам Гатова скользнула лёгкая, чуточку грустная улыбка. – Она сказала, что благодаря браслету я навсегда её запомню, и знаешь, получилось: прошло семь лет, у меня было много женщин, но лицо той девушки я помню до сих пор.

– Хотел с ней остаться?

– Почти захотел, – признался Павел. Не женщине признался – себе, продолжив смотреть на старый, чуть полинявший от времени подарок. – В тот момент я оказался на жизненной перекрестке, и сделать выбор оказалось ой как непросто.

И лёгкая гримаса, словно отмечающая печальные воспоминания.

Он был не против помолчать, но профессионалка знала, что грустный клиент – минимальные чаевые, и постаралась отвлечь Гатова от хансейской истории. Руки гостя были переполнены украшениями, и женщина надеялась, что не все они напоминают ему о чём-то грустном.

– А этот откуда? – Она провела пальцем по следующему браслету, собранному из маленьких, пронзительно белых клыков и трижды охватывающему запястье мужчины. – Выглядит забавно.

– С Крандаги, – ответил Павел. – Его собрали из клыков ящерицы Вэла, есть там такие агрессивные создания.

– Кровожадные?

– Ядовитые.

– Очень красивая вещь.

В действительности браслет представлял собой весьма непритязательное украшение, которое можно было смело назвать «варварским», но женщина хотела поскорее «заболтать» неудачную предыдущую тему, а потому не скупилась на лесть:

– Он и красивый, и мужественный.

– Клык ящерицы Вэла необычайно твёрд, и, чтобы просверлить в нём отверстие, требуется день, а то и больше. Работу доверяют только опытным мастерам, которые портят не больше одного клыка из десяти.

– На чём же тренируются ученики?

Павел рассмеялся, показав, что оценил шутку женщины, и продолжил рассказ:

– На изготовление браслетов идут только левые клыки, правые, как ты верно подметила, остаются для обучения. – Он помолчал. – Крандагийцы верят, что браслет из ста одного левого клыка Вэла приносит удачу.

– Наверное, это редкое украшение?

– Достаточно редкое, – подтвердил Гатов. – Ящериц Вэла ловят ради яда, который медикусы используют для создания сильных лекарств. Статистика такая: каждая десятая ящерица кусает ловца, каждый пятый укушенный умирает.

– То есть на твоих руках кровь? – улыбнулась женщина.

Она думала, что удачно пошутила.

– На моих руках много крови, – тихо, но почти сразу ответил Павел.

– Ты не просто цепарь, а военный цепарь? – Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы странный клиент окончательно впал в задумчивость. И ещё она проклинала себя за глупую идею поболтать о побрякушках.

– Да, я цепарь. – Именно эту легенду Гатов приготовил для любознательных менсалийцев. – Десять лет в Пустоте.

И заложил руки за голову.

Умиротворённые, наполнившиеся сладкой усталостью, они лежали на разобранной, точнее – растрёпанной, раскуроченной кровати и пытались болтать ни о чём. Простыни скручены, подушки смяты, одежда в беспорядке разбросана по полу. В начале встречи присутствовала бутылка вина, но сейчас она опустела и валялась в углу, а остатки из бокала Гатов жадно допил несколько минут назад.

– Ты не палубный, для палубного слишком грамотный. – Женщина почувствовала изменение тона, поняла, что ей удалось отвлечь клиента, чуть успокоилась и положила голову Павлу на грудь. – Механик?

– Точно.

– Но не шиф.

– Был шифом, – уточнил учёный, вспомнив детские мечты.

– Шифы – здоровенные, – мягко произнесла женщина.

– Удар у меня хороший.

– Ещё мощь нужна. С тремя ты вряд ли сладишь.

– С тремя слажу, но не больше. – Павел зевнул. – А шиф должен класть пятерых любого размера.

– Вот-вот.

Шифбетрибсмейстеры цеппелей – а именно о них говорили сейчас любовники – отвечали не только за ход кораблей, но и за соблюдение нижними чинами устава, а потому всегда поражали гигантскими размерами и физической мощью. Как говорили, «настоящий шиф способен пнуть цеппель так, чтобы он пролетел через Пустоту, и за время перехода уложить не менее десятка нарушителей дисциплины». Справедливости ради следует заметить, что чаще шифы укладывали чужих цеппарей во время популярной игры в «вышибалу», поскольку ссориться с собственным шифом дураков находилось мало.

– А на Менсале как ты оказался? – продолжила расспросы женщина.

– Залетел, не подумав.

– Списался?

– По пьянке. – Павел рассеянно провел рукой по тёмным волосам случайной подруги. – Перебрал бедовки в Шпееве, а когда очнулся, цеппель уже ушёл. Зря трепался в кабаке, что хороший механик.

– Здесь такие ценятся.

– Теперь знаю.

Истории Гатова научил Эзра, и она была вполне обыкновенна: местные шли на всё, чтобы заполучить грамотного специалиста.

– Со мной обошлись по-человечески: предложили хорошие деньги и не обманули при расчёте. – Ещё один зевок. – Я полгода работал в Шпееве.

– Почему не уехал?

– Здесь платят больше, чем на других планетах, – усмехнулся Павел.

Война есть война, и тот, кто готов рисковать, может рассчитывать на хорошую прибыль.

– Я собрал артель и нанялся к трибердийцам. Ремонт любой техники во время боевых действий – двойной тариф. Главная специализация – кузели.

– Хорошо иметь профессию.

– Ага.

– Расскажи о Пустоте, – неожиданно попросила женщина. – В ней страшно?

Резкий переход немного сбил Павла с толку, но сам вопрос не удивил: несмотря на активную межзвёздную торговлю, подавляющее число людей никогда не покидало свои миры и знало о величии Герметикона лишь из рассказов путешественников. И в первую очередь всех интересовала Пустота, поскольку другой мир – он такой же, как свой, только «где-то там», а Пустота – непонятная, страшная, беспощадная и совсем иная.

– В ней страшно?

– Многим – да, очень страшно, – кивнул Гатов. – Но вовсе не потому, что они боятся попасть в катастрофу... Хотя из-за этого тоже страшно, но не так, как из-за того, что Пустота давит.

– Её же нет, – удивилась женщина.

– Но этого самого «нет» – бесконечные пространства. И когда ты осознаёшь, что за стеклом иллюминатора раскинулись триллионы лиг того, чего нет, – в этот момент Пустота начинает давить и становится страшно.

– Всем?

– Нет.

– А тебе?

– Было в первый раз, – не стал врать Гатов. – Потом привык.

– Ко всему можно привыкнуть, даже к Менсале.

И лютая тоска, прозвучавшая в голосе женщины, заставила Павла прищуриться и спросить:

– Ты вроде с Западуры?

Густые темные волосы, большие темные глаза, округлая, «крестьянская» фигура: роскошная грудь, крепкие ноги, полные руки – внешность выдавала в женщине уроженку второго менсалийского континента, но поначалу Гатов не придавал этому факту большого значения.

– С Западуры.

– Как сюда попала? – Ученый догадывался, что услышит в ответ, и не ошибся.

– Слышал о «рейсах задранных юбок»?

– То есть, работорговцы привезли?

В ответ по губам женщины скользнула кривая усмешка, которую лежащий на спине Павел не увидел, и лишь затем последовало объяснение:

– Да нет никаких работорговцев, эту страшилку девчонки выдумали, чтобы клиентов на жалость разводить.

– Неужели?

– Тут, на Менсале, ещё бывает: когда захватывают деревни, девок часто насилуют, а потом продают в бордели, – уточнила проститутка. – А на Западуре всё честно: рекрутеры сразу объясняют, где и как придется работать.

– То есть тебя не захватывали и не обманывали?

– Удивлён?

– Немного, – признался учёный.

– На Западуре не так хорошо, как кажется, – печально проронила женщина. – Если не уехать, то придётся до конца жизни рожать детей, из которых станут делать солдат или шлюх. Или фермеров, с утра до ночи пашущих в поле. Так что лучше рискнуть. – Она помолчала, поняла, что Павел не спешит с замечаниями, и продолжила: – Моя подруга год работала в Шпееве в известном салоне. Потом её взял на содержание торговец оружием, даже в рестораны

водил и в цирк. А ещё через полгода она гуляла по парку, познакомилась с инструктором с Кардонии и вышла за него замуж.

- На Кардонии сейчас война.
- Тут не угадаешь.
- Согласен.

Гатов бросил взгляд на часы: у них оставалось ещё двадцать минут, мягким, но уверенным жестом перевернул женщину на спину, а сам приподнялся, оказавшись сверху. Она поняла, улыбнулась, обхватила левой рукой Павла за шею и тихо спросила:

- Ещё придешь?
- К тебе?
- Да.
- Всё может быть.
- Врёшь...

– Не вру! – возмутился облаченный в длинную белую рубаху пузан. Именно из-за таких рубах, а не только по причине чрезвычайно белой кожи, уроженцев главного менсалийского континента и называли «беляшами». – Я сам читал, вот этими глазами!

– Когда ты читать выучился, Бужа? – хихикнул его собеседник, длинный и с виду нескладный мужик, отчаянно походивший на ожившую марионетку: острые локти, острые колени, острые плечи и острый нос. И острые зубы. Когда мужик улыбался, они вылезали из-за тонких губ.

– Неважно когда, – окрысился пузан. – В газете ясно было написано, что в старых рудниках валериция осталось на три года добычи. Самое большее – на пять. И что будет дальше – один Игвар знает...

- Брехня! Все говорят, что валериция у нас на сто лет с гаком.
- Врут.
- Зачем?
- Потому что!

Спорщики не были вооружены – в заведении синьоры Флиси действовали строгие правила, – поэтому спустившийся со второго этажа Гатов оглядел их весьма равнодушно, мол, спорите, ну и спорьте на здоровье, всё равно никто не пострадает, после чего плюхнулся за столик Мерсы – скучающий алхимик употреблял уже третью порцию ароматного травяного чая – и осведомился:

- Каронимо?
- Ещё не закончил, – хладнокровно ответил Андреас.
- А ты так и не начинал?
- Э-э... не в настроении.

У него были строгие правила насчёт походов в заведения, подобные дому синьоры Флиси, которые, впрочем, кое-кто не приветствовал.

– Олли будет злиться.

– Его дело.

– Ну и ладно, сами разберётесь.

– Вот именно. – Мерса поджал губы, выдержал паузу, но воспитание взяло своё, и алхимик предложил: – Чаю?

– Смейшься? – Павел сделал знак официанту и через мгновение принял у него высокий бокал с крепким коктейлем: – Твоё здоровье!

Однако большой и жадный глоток, которому было предназначено стать элегантным украшением дня, своего рода праздничным бантиком, связывающим всё прекрасное за сегодня в единое целое... оказался грубо прерван визгливым воплем со второго этажа:

– Даже не надейтесь! – А также последовавшим звуком удара, возмущённым женским восклицанием и громкой нецензурной тирадой.

– Ваши девки – тупые коровы! – Друзья обернулись и с интересом уставились на спускающегося по лестнице субъекта, автора и пока единственного участника скандала. Субъект оказался хлипким на вид, но наглым на слух брюнетом в расстёгнутых штанах – их приходилось поддерживать рукой. – Лентяйки тупые, да ещё и уродливые!

– На себя посмотри, огрызок, – предложила появившаяся на площадке второго этажа девушка. – Никто не виноват, что тебя не хватило!

– Заткнись, сука!

– Сам заткнись!

– Герда, тихо! – громко велел вышедший на шум Клап, главный вышибала синьоры Флиси. И перевёл взгляд на чернявого: – Девочка повела себя грубо и будет наказана. Вам же следует заплатить.

– И не подумаю!

– Почему?

– Не хочу!

– Есть правила...

– Есть только одно правило, придурок: прав тот, кто сильнее. Понял?

Наглость хлипкого объяснялась просто: в самом начале скандала пузан поднялся, всем своим видом показывая, что поддержит любое выступление чернявого, а похожий на марионетку спорщик незаметно, бочком, выскользнул наружу и вернулся аккуратно перед тирадой. Так что, произнося её, брюнет уже видел и вооружившегося марионетку, и трёх боевиков, что вломились в заведение вместе с ним.

– Я ведь говорила, что не надо обслуживать свободян, – прокомментировала назревающие неприятности Герда.

Клап нахмурился.

– Наглое поведение должно быть наказано, – заявил чернявый. Он наконец-то застегнул штаны, пристроил к ним переданный друзьями боевой пояс и стал выглядеть куда внушительнее. Правда, по-прежнему мелко. – Тутошние тёлки ленивы и тупы, платить за их услуги – оскорбительно. Платить должны вы. Деньгами и услугами.

Подручные поддержали низенького вожака дружным гогомом. Клап продолжал хранить молчание, несмотря на то что за его спиной появились ещё двое здоровяков: он умел считать и думать и понимал, что трое против шестерых выступят без особой надежды. Особенно учитывая наличие у скандалистов оружия.

– Тебе не кажется, что, разобравшись с заведением, свободяне примутся за посетителей? – едва слышно поинтересовался Павел, допив коктейль.

– Кроме нас, тут посетителей нет, – заметил наблюдательный Андреас.

– Вот и я об этом.

Несколько мгновений Мерса переваривал услышанное, затем поставил чашку с чаем на стол и поднял брови:

– Что... э-э... предлагаешь?

– Да есть одна мысль, – не стал скрывать Гатов. – Но тебе она не понравится.

– Не просто не понравится, – проныл алхимик. – Я категорически против...

Но было уже слишком поздно.

Затеявшие скандал свободяне не видели противников, кроме трёх вышибал синьоры Флиси, и выстроились против них: ворвавшиеся с улицы боевики, марионетка и чернявый коротышка. Вооружившийся пистолетом пузан поглядывал в сторону притихших учёных, но больше для демонстрации – в основном его внимание было сосредоточено на вышибалах.

– У меня нет бомб! – трагически прошептал Мерса. Он достаточно изучил Павла и видел, что тот настроен подраться. – Ни одной бомбы. Мы безоружны!

– Обойдёмся без оружия, – весело прошипел в ответ учёный.

– Мы?

– Мы все.

Привычный к кабацким сражениям, Гатов видел гораздо больше скромного Андреаса и уже заметил мелькнувшего на втором этаже Каронимо, оценил спокойствие вышибал, понял, что ребятам нужна минимальная поддержка, и потому без колебаний кивнул Бааламестре, когда тот появился на площадке в следующий раз.

С прикроватной тумбочкой в руках.

– Проклятые свободяне едва не испортили мне отдых! – возмущённо рассказывал Каронимо несколько часов спустя. – У нас с Клеопатрой всё хорошо, мы на пике интереса, на всех парах летим ко взаимному удовлетворению невиданной силы, и вдруг – на тебе! Визг под самой дверью и скандал! Вы ведь только финал наблюдали, друзья мои, сняли, так сказать, сливки, а началось всё в соседней с нами комнате. Чернявенький там визжал, как ненормальный, и просто поверьте: никто, никто, кроме меня, не смог бы в столь скотских обстоятельствах закончить дело так, как требовали того природа и здравый смысл.

– Из-за твоего здравого смысла нам пришлось ждать на несколько минут дольше, – заметил вредный Гатов.

– Но ведь я не опоздал, не так ли? – Бааламестре широко улыбнулся и потёр щетинистую рожу.

Не опоздал.

Никакого воинственного клича Каронимо не издает – не приучен, молча прицеливается и хладнокровно отправляет тумбочку на головы двух ближайших боевиков, изрядно сократив численное преимущество свободян перед честными защитниками прибылей синьоры Флиси. При этом пострадавшие валятся на пол под аккомпанемент дикого вопля пузана: в тот самый миг, когда Каронимо расстается с тумбочкой, Гатов метнул в любителя газет чайник Мерсы, который не только врежется толстому в голову, но и выплёскивает остатки горячего.

Атака, как, впрочем, и рассчитывал Павел, становится сигналом.

– На! – С этим криком здоровенный Клап засаживает чернявому в левую скулу.

Учитывая разницу в размерах, данное действие можно было рассматривать, как групповое избиение, но коротышка держал в руке снятый с предохранителя «Аркоз», ещё секунду назад угрожал им, и потому сторонники Клапа воспринимают выпад с праведным воодушевлением.

– Проклятье, чтоб вас всех...

Мерса пинком переворачивает столик – сказывается опыт путешествий на «Пытливом амуше» и долгое общение с Гатовым – и утягивает друга в укрытие. И вовремя утягивает, потому что марионетка оказывается смешным только внешне и реагирует на нападение так, как должен реагировать очень опасный парень: затевает стрельбу с двух рук. Вышибалы прыгают в стороны, при этом левый ловит пулю в бедро, Мерса с Гатовым исчезают за мебелью, а Бааламестре просто исчезает, причём не сейчас, спасаясь от стрельбы, а сразу после того, как прицельно уронил на головы свободян первую тумбочку. Бааламестре показывает себя самым опытным участником бойцом, но об этом позже.

– Съели, суки? Съели?! – Марионетка орал всё то время, пока стрелял, но слышно его стало лишь сейчас, когда грохот выстрелов сменился сухими металлическими щелчками. – Ща нажрётесь, суки! Ща!

Но, несмотря на многообещающие вопли и то, что первый этаж заведения заполнился клубами порохового дыма, особенного вреда марионетка не наносит: раненый вышибала, десять пулевых отверстий в обстановке да разбитое зеркало.

По всему выходило, что свободянам следует отступить, но глупость или же запальчивость продиктовала иное: едва пришедший в себя заводила требует крови.

– Крови! – орёт он, поводя «Аркозом» вокруг себя. – Золотом не откупитесь теперь! Крови!

Пузан подвывает, марионетка перезаряжает, чернявый угрожает, и только последний боевик соображает поднять голову, дабы проконтролировать площадку, с которой на весёлых грабителей уже сваливались неприятности. Поднимает вовремя: как раз в это мгновение доброджелательно пыхтящий Каронимо отправляет в недолгий полёт второй подарок.

Такой же тяжёлый, как первый.

– Хня...

Тумбочка врезается боевику в лицо и укладывает рядом с товарищами, однако трагический вопль пострадавшего играет свою роль: марионетка отскакивает и начинает азартно палить вверх в надежде уложить Бааламestre, который расторопно прячется в комнате. Зато марионетка упускает из виду Клапа, который давно понял, что по-хорошему не получится, кулаками тоже, и направляет на врага револьвер.

Три выстрела сливаются в один.

Клап стреляет в марионетку, брюнет – в Клапа, пузан – в столик Мерсы, надеясь хоть как-то отомстить за пережитое.

Кислый пороховой запах напрочь забивает обычное благоухание заведения любви, пуля пробивает алхимику воротник рубашки, Клап хватается за руку, марионетка – за бок, а в следующее мгновение грохочет «тяжёлая артиллерия»: четвёртый вышибала синьоры Флиси, который в мирное время сонно стерёг чёрный ход, является из кухни и врезает по наглицам из дробовика.

Визг.

Только в этот раз не скандальный, а полный боли. И когда дым рассеивается, свободяне оказываются около дверей: марионетка поддерживает пузана, а чернявый прикрывает отход беспорядочной стрельбой из «Аркоза» во всё, что кажется ему страшным.

– Я ещё вернусь! – орёт чернявый, но ответом ему становится неприличный жест от выдающегося учёного.

Затем довольный собой Гатов выбирается из-за стола, оглядывает разрушенное заведение и начинает громко хохотать.

Вечер определённо удался.

* * *

Единственной красотой, которую Камнегрядка могла предложить взыскательным путешественникам, были закаты. Притягательные и неповторимые закаты, когда однообразие унылого пейзажа – безжизненная земля, испещрённая бесчисленным количеством камней и скал, – удивительным образом преображалось в лучах уходящего солнца. Неожиданно исчезало ощущение неизбывной тоски, пряталась куда-то скука, пропадало отвращение, и перед изумлённым наблюдателем раскидывалась вдруг восхитительная, словно вышедшая из волшебного сна, картина причудливого сплетения теней и света, багровости уходящей звезды, меркнувшей лазури неба и подбирающейся тьмы. И наливающиеся чёрным камни оживали, превращаясь в пятнышки ночи, неспешно собирающие панораму полнейшего мрака.

Неспособная родить живое, Камнегрядка ухитрилась отыскать прекрасное в том, что есть, и каждый вечер формировала на своей груди щемящий образ прекрасного.

– В своё время я подумал, что именно в этом кроется предназначение Камнегрядки, – тихо произнёс Вениамин. – Что по замыслу Творца её роль в нашем мире – демонстрировать потрясающие закаты, при виде которых никто не в силах оставаться равнодушным.

Из окружённого скалами форта любоваться прекрасной картиной не было никакой возможности, поэтому Мритский предложил прогуляться на вершину западной скалы, где располагалась маленькая, как потом выяснилось, «губернаторская», смотровая площадка, и теперь небольшая компания: Вениамин, его жена, инженер Холь и шестеро охранников сполна наслаждалась уникальным, доступным лишь в Камнегрядке зрелищем.

– Почему ты не рассказал об этом месте? – в третий или четвёртый уже раз повторил восхищённый Алоиз. – Я столько времени потерял...

Он сидел в Карузо несколько месяцев, отчаянно скучал, а мог бы каждый вечер наслаждаться непередаваемой прелестью величественной красоты уходящей в ночь Камнегрядки.

– Зачем ты скрыл от меня это невероятное место?

– Хотел сделать сюрприз.

– Веня, Веня... – сокрушённо покачал головой инженер. – А ещё друг...

Мритский улыбнулся.

– Не ожидала, – очень тихо произнесла Агафрена. – Не думала, что тебя способна тронуть красота.

– Я знаю, как ты обо мне думаешь, – так же негромко, чтобы слова не долетели до ушей Холя, ответил Вениамин. – Ты во многом ошибаешься.

– Я воспринимаю тебя таким, какой ты есть.

– Таким, каким ты хочешь меня видеть, – уточнил губернатор.

– Я...

Но замолчала, потому что Мритский едва заметно улыбнулся и приложил палец к губам, показывая, что не хочет продолжать разговор. Что нужно наслаждаться видом, а не выяснять давным-давно сложившиеся отношения.

Не время. Сейчас – не время.

Эти трое странно и забавно выглядели рядом: высокий и плотный Холь, стройная, изящно сложенная Агафрена, благодаря высокой причёске она немногим уступала инженеру в росте, и маленький, едва доходящий супруге до плеча Вениамин – убери ещё десяток сантиметров, и губернатора можно было бы с полным основанием назвать карликом. Но никто не называл: Мритскому доводилось и казнить, и убивать за шутки о своём росте. Именно так: в том числе и убивать – лично, потому что низкий рост не означал слабости, и Вениамин заслуженно считался прекрасным бойцом: быстрым, резким и безжалостным.

Лицо губернатора имел обыкновенное для уроженцев Западур: маленькие тёмные глаза, маленькие, но пухлые губы, прямой нос и чуть более широкие, чем у беляшей, скулы. Лицо внимания не привлекало, но существовала у Мритского особенность: благодаря странному капризу природы его чёрные волосы, необычайно густые в бровях и бороде с усами, не росли нигде больше, оставляя сухощавое тело без всякого покрытия. Об этой особенности мало кто знал, но губернатора она раздражала не менее сильно, чем неудавшийся рост.

– Скажу откровенно, Веня: это одно из самых поразительных зрелищ, которые мне довелось видеть в жизни, – задумчиво произнёс Алоиз, когда они спускались по тропинке к форту. – Спасибо.

– Не за что.

– Я впервые сожалею о том, что не поэт, – продолжил Холь. – Сожалею, что неспособен выразить словами переполняющие меня чувства.

– Каждый хорош на своём месте, – заметил Мритский. – Лично я предпочитаю находить в тебе великого учёного.

Ответить инженер не успел.

– Есть вещи, которые невозможно передать, – вставила своё слово Агафрена. – Есть вокруг нас нечто неподвластное ни художникам, ни поэтам. Есть настоящее.

– Совершенно верно, дорогая, – тут же согласился губернатор. – Человек может наслаждаться творениями Создателя, но неспособен их воспроизвести.

Замечание напомнило, что Вениамин – ревностный олгемен, и некоторое время процессия продолжала двигаться в полной тишине.

– А что за оживление царило в Восточном блоке форта, когда мы уходили? – вспомнил Холь незадаанный вопрос. Или же просто решил перевести разговор на другую тему. – Я слышал, нижние чины изрядно шумели.

– Радуются, – коротко ответил Мритский.

– Выдаёшь жалованье? – пошутил инженер.

– Его здесь негде потратить.

– Выкатил бочку бедовки?

– Пока не за что.

– Извини, ляпнул не подумав, – развёл руками Алоиз. – Но прошу, объясни, что происходит?

– Охотники поймали шлёма.

– Кого?

– Здесь? – удивилась Агафрена.

– Как выяснилось, в Сочности их полным-полно, кормятся косулями и неплохо себя чувствуют, – улыбнулся жене Вениамин. А повернувшись к Холю, объяснил: – Шлём – это большая менсалийская кошка. Размерами она не уступает луегарскому тигру и столь же агрессивная. Во время войны их популяцию почти уничтожили, и теперь менсалийцам не часто удаётся поглазеть на старинное зрелище...

– Шлём против шакалов, – скривившись, произнесла Агафрена. Чувствовалось, что супруге губернатора очень не понравилось услышанное.

– Шлём против шакалов, – подтвердил Вениамин.

– Можно я не буду смотреть?

– Вы стравливаете зверей? – поднял брови инженер.

Однако от дальнейших комментариев воздержался, поскольку на Луегаре до сих пор, несмотря на прилагаемые частью общества усилия, существовала кровавая «Псиная лига».

– Речь идёт о захватывающем состязании, – спокойно ответил Мритский. – Сильная кошка против стаи естественных врагов. В природе такие схватки случаются ежедневно.

Агафрена остановилась, несколько секунд смотрела на мужа, после чего – вновь очень тихо – прошептала:

– Вот поэтому я думаю о тебе так, как тебе не нравится.

– Не поэтому, – ровно ответил губернатор и взял супругу под руку. – Нас ждут лучшие места, дорогая, тебе понравится.

Холь покачал головой, но вновь промолчал и послушно направился к Восточному блоку, где уже закончились приготовления к действию.

Форт Карузо обустраивали как серьёзную крепость, призванную беречь богатейшие запасы валериция, и потому изначально разделили на два блока. В Западном, вросшем в скалу, находились офицерский дом, главный колодец, все основные склады и арсенал. По сути, Западный блок представлял собой цитадель, в которой можно было держать оборону даже при потере второй половины форта, в которой размещались казармы нижних чинов, мастерские и прочие службы. И именно в большом внутреннем дворе Восточного солдаты выстроили импровизированную арену, использовав для сооружения клетки всё, что подвернулось под руку: деревянные колья, металлические брусья, шесты от палаток, в общем, любые длинномерные предметы, которые можно было безболезненно извлечь, а впоследствии вернуть на место. Шесты

и колья стянули меж собой проволокой, а сверху накинули сеть, обезопасив себя от бегства разъярённой кошки.

Откровенно говоря, конструкция выглядела хлипкой, но жажда зрелища перевешивала осторожность.

Зрители располагались вокруг клетки, а для губернатора и нескольких старших офицеров приготовили невысокий подиум с несколькими креслами. Вид из импровизированной ложи открывался великолепный, арена лежала как на ладони, и невозможно было упустить даже мельчайшие подробности схватки.

– Сегодня будет весело, – потёр руки Вениамин. – Шлёмы и шакалы – естественные враги, их даже натаскивать друг на друга не требуется.

– Как западуры с беляшами, – обронил Холь.

– Верно, – согласился губернатор и бросил хитрый взгляд на жену. Агафрена происходила из старого рода беляшей, в то время как сам Мритский был выходцем со второго континента Менсалы, и их союз вроде бы противоречил заявлению инженера. – Алоиз, на кого сделаешь ставку?

– Смотря в какой форме бойцы.

– Клянусь, в отличной, – с неожиданной горячностью ответил губернатор. – И пропорцию я выдерживаю классическую: один к пяти, что оставляет примерно равные шансы обеим сторонам.

– Тогда ставлю на кошку, – решил Алоиз. – Люблю индивидуалистов.

– Значит, я за шакалов, – усмехнулся Вениамин. – Пятьдесят цехинов.

– Поддерживаю, – кивнул инженер. И посмотрел на Агафрену: – На кого ставите вы, синьора?

– Воздержусь, – очень сухо ответила женщина.

– Агафрена терпеть не может крови, – объяснил Вениамин. – Странно, что ты до сих пор это не выяснил.

– Каким образом? – удивился Холь. – Мы никогда не посещали подобные зрелища.

– А в театрах кровь ненастоящая, – хмыкнул губернатор.

– Именно, – спокойно подтвердил инженер, после чего перевёл взгляд на арену: – Это шлём?

– Да.

Знаменитый менсалийский хищник оказался изящен, несмотря на внушительные размеры, и необычайно красив: жёлтую шкуру покрывали многочисленные тёмно-коричневые пятна, на кончике хвоста дёргалась забавная рыжая кисточка, а шею укутывало пышное «боа» того же цвета. Шкуру шлёма Холю доводилось видеть в охотничьей комнате Мритского, однако сейчас инженер признался, что в естественном состоянии она производила куда большее впечатление, нежели повешенной на стену.

Покинув ящик, кошка осторожно огляделась – обилие перекошенных лиц, горящих глаз, а главное, создаваемый солдатами шум нервировали животное, – тихонько зарычала, после чего медленно и очень грациозно, безо всякого труда, взобралась на край клетки и попробовала сеть на коготь.

Агафрена судорожно вздохнула.

– Не беспокойся, дорогая, я распорядился выдать для обустройства особую сеть с металлическими нитями, – широко улыбнулся Вениамин. – Шлёму не выбраться. – После чего кивнул на нескольких окруживших арену охотников: – Если же выберется, то его сразу пристрелят.

– И его мучения прекратятся, – с едва заметным вызовом ответила женщина.

– Лучше смерть, чем жизнь в рабстве?

– Да.

– Тебе об этом шлём сказал? – осведомился Мритский. – Или приняла решение за него?

- Я представила себя на его месте.
- А ты не представляй, береги нервы.
- Мне его жаль.
- Там, в Сочности, он бы загрыз тебя, не задумываясь.
- Он зверь.
- Помни об этом, – вновь усмехнулся губернатор. – И побереги жалость для тех, кто в ней нуждается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.